

ДЕТЕКТИВ: НОВЫЙ УРОВЕНЬ

СЕСТРА! СЕСТРА?

СЮ ФОРТИН

Сью Фортин
Сестра! Сестра?
Серия «Психологический
триллер (АСТ)»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42610013
Сестра! Сестра?: АСТ; Москва; 2019
ISBN 978-5-17-106014-5

Аннотация

Долгие годы Клэр потратила на поиски младшей сестры Элис – после разрыва с матерью отец обманом увез ее в другую страну. И вот ей приходит долгожданное письмо: Элис собирается вернуться домой, в Англию.

Однако очень скоро счастье Клэр сменяется безотчетной тревогой. Почему Элис ведет себя так странно? Копирует одежду и поведение старшей сестры, открыто флиртует с ее мужем... А может, Элис пытается занять ее место в семье?.. Но никто, кроме Клэр, не замечает странного поведения Элис. Тогда она решает провести собственное расследование и выяснить правду: кем же является Элис на самом деле – ее родной сестрой... или самозванкой?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	29
Глава 4	43
Глава 5	52
Глава 6	63
Глава 7	73
Глава 8	89
Глава 9	100
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Сью Фортин

Сестра! Сестра?

© Sue Fortin, 2017

© Школа перевода В. Баканова, 2018

© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

* * *

*Вряд ли я смогла бы написать книгу о сестрах,
не посвятив ее своей собственной сестре, Жаклин.*

*Однако сразу хочу заметить: эта история
совсем не похожа на историю наших с Жаклин
отношений!*

Глава 1

Бывает, что нам холоднее всего не в разгар зимы – когда изо рта вылетает пар, ноги немеют от холода, а пальцы мерзнут и деревенеют. Бывает, что нам холоднее всего в тепле собственного дома, в окружении семьи.

Я лежу в кровати – не в своей; это точно. Матрас жестковат, нет привычной мягкости. Я нерешительно вытягиваю пальцы и слышу слабый шелест хлопка по полиэтилену. Непромокаемый матрас, делаю вывод.

Чувствую тяжесть одеяла. В нем тоже нет уютной фибровой мягкости. Я укрыта чем-то увесистым и совсем не пушистым. Высвобождаю палец, провожу по ткани. Тот же накрахмаленный хлопок, что и подо мной. А тяжесть – от шерстяного одеяла поверх простыни. Я заключаю с собой маленькое пари: одеяло синее. Чуть поразмыслив, перестраховываюсь. Оно синее или зеленое... возможно, белое. В последнее время я часто перестраховываюсь. Нет, одеяло определено в клетку. Точно, в клетку.

Честно держу глаза закрытыми.

За дверью слышны неразборчивые голоса снующих туда-сюда людей. Звук то нарастает, то стихает – словно волна накатывает на берег.

Ноздри впитывают легкий запах антисептика, смешанного со сладковатым духом стерильности. Так и есть, я в боль-

нице.

В воздухе витает еще один аромат. Его я знаю очень хорошо. Аромат лосьона после бритья, с пикантной ноткой морской свежести. Я купила его мужу в прошлом году, на нашу годовщину: восемь лет брака. Лосьон дорогой, но денег я не жалела. Я никогда не жалела денег на Люка. Название – «Навеки». Довольно ироничное, как оказалось. Теперь непонятно, буду ли я покупать подарок Люку в этом году. И в будущем тоже.

– Клэр? Клэр, ты меня слышишь? – звучит у самого уха голос Люка. – Ты проснулась, Клэр?

Не хочу разговаривать с мужем. Я не готова. Не знаю почему, но что-то подсказывает – не отвечай. Пальцы Люка обхватывают мои, сжимают. Мне нестерпимо хочется отдернуть руку. Странно. Но я не отдергиваю. Лежу без движения.

Слышу, как открывается дверь, как по линолеуму шлепают пробковые подошвы.

– Мистер Теннисон? – зовет тихий голос. – Пришел полицейский. Хочет с вами поговорить.

– Как, сейчас?

– Он хотел поговорить и с миссис Теннисон, но я сказала, что пока нельзя.

Рука Люка соскальзывает с моей, ножки кресла с визгом скользят по полу.

– Спасибо, – произносит Люк.

Они с медсестрой выходят. Он, видимо, не плотно закрыл

дверь – я четко слышу разговор.

– Детектив-констебль Филлипс, – представляется полицейский. – Простите, что беспокою, мистер Теннисон. Мы надеялись допросить вашу жену, но медсестра сказала, что миссис Теннисон еще не пришла в себя.

– Да, не пришла, – с вызовом отвечает Люк.

Я мысленно вижу его: голова гордо поднята, плечи расправлены. Он всегда так выглядит, когда отстаивает свои права. Когда мы спорим.

– Возможно, вы сумеете нам помочь.

– Попробую.

Теперь в его голосе звучит легкое раздражение. Тем, кто не знает Люка, оно вряд ли заметно. Я же с недавних пор слышу это раздражение часто; чаще, чем хотелось бы.

– В каком расположении духа была ваша жена? Что послужило толчком ко вчерашнему... происшествию? – произносит Филлипс.

Происшествию? Какому происшествию? Я пытаюсь вспомнить, о чем говорит полицейский, но напрасно. Меня отвлекает голос мужа:

– Расположении духа?

– Настроении. Была ли миссис Теннисон счастлива? Грустна? Озабочена? Встревожена?

– Я в курсе, что означает «расположение духа», – обрывает Люк.

Сейчас раздражение в голосе мужа слышно отчетливо, и я

представляю, как он хмуро смотрит на детектива – *мол, я тебе кто, идиот какой-нибудь?*

Я ныряю в глубины собственной памяти, рыскаю там – что же я вчера чувствовала? Грусть, злость, страх – их выбрасывает к берегам сознания одновременно, но причину я определить не могу.

Люк молчит. Видимо, размышляет. Он, безусловно, хочет дать правильный ответ. Если верить мелкой зыби на поверхности моей памяти – ответ, который может сыграть против меня.

Они возвращаются – пока не воспоминания, а ощущения. И не по капле, а волнами. Первой всплывает злость. Интересно, не о ней ли думает сейчас Люк? Не о моем ли упрямстве? Как же он назвал меня во время последней ссоры? Ах, да, точно – *психопатка чертова*. Расскажет ли муж об этом детективу? Если да, то объяснит ли, что именно превратило меня в «чертову психопатку»?

– Клэр... В последнее время ей было нелегко, – наконец говорит Люк. – Много всего навалилось.

– А именно? – уточняет Филлипс.

– Клэр тяжело давались перемены в личной жизни.

Это, видимо, завуалированное «не твое собачье дело».

Мысли мечутся. Какие еще «перемены в личной жизни»? Что, черт возьми, произошло? Почему я в больнице?

Ответ приходит не сразу. Сначала в палату вползает дурное предчувствие, подбирается к моей кровати, окутывает

тело. Мне холодно, по рукам бегут колючие мурашки. Случилась беда. Я что-то сделала – нечто ужасное, и мое сознание блокирует эти воспоминания. Настолько ужасное, что оно противоречит самой моей сути.

Я, Клэр Теннисон, – хороший человек. У меня успешная карьера: я партнер в адвокатской конторе «Карр, Теннисон и Эггар». Я заботливая дочь своей матери, Марион. Я нежная и преданная мать Хлои и Ханны. Я любящая и участливая жена Люка. Я член школьного правления, в конце концов. Клэр Теннисон не поступает плохо.

Откуда же тогда страх и чувство вины? Что я наделала?

Не хочу, чтобы следующее мгновение наступило. Оттягиваю его, замедляю время, прячусь от неизбежного. Уж лучше жить в страхе, даже самом невыносимом, чем знать, что я натворила.

Бах!

Все вернулось. Я помню, что именно я сделала, вижу отчетливо, будто смотрю сквозь прозрачное стекло.

Вижу свои руки на руле – я еду домой. Стрелка спидометра скачет вверх-вниз, стрелка тахометра то падает, то взлетает – я переключаю передачи, лавирую узкими улочками. Боковым зрением улавливаю мелькание смутных пятен: живые изгороди, деревья. Все размытое, точно акварельный пейзаж.

Ее я замечаю не сразу. Прямо перед собой. Почему раньше не увидела? Сейчас разгар дня. Солнце не слепит мне

глаза, дождь не туманит стекло. Обзор прекрасный, никаких помех. Она возникла из ниоткуда. Выросла перед самым автомобилем. Я кричу. Бью по тормозам. Визжат покрышки, вгрызаются в асфальт. Я дергаю руль влево, пытаюсь объехать. Слишком поздно.

В памяти отчетливо и неумолимо всплывает звук глухого удара, резко накатывает тошнота. Сейчас меня вырвет. Вместо этого я исторгаю звук. Он зарождается глубоко-глубоко внутри, в животе. По пути к горлу выкручивает мне душу и вырывается наружу – воплем неприкрытой боли. В ней столько ярости, что слезам места нет. Тело мое невольно сжимается, как эмбрион. Левой рукой двинуть невозможно – мешает гипс, но правая накрывает забинтованную голову, будто меня ждет аварийная посадка на обреченном самолете. В руке стоит катетер, там что-то тянет, потом дергает.

...Суета вокруг. Медсестры. Одна успокаивает – участливо, но твердо; все, мол, будет хорошо. Другая строго велит не сопротивляться – я выдернула капельницу, я могу себя поранить. И голос Люка. Громкий, но нежный.

– Ну-ну, малыш, – уговаривает он.

Давно я не слышала этого ласкового прозвища. Вот так же Люк утешал наших девочек: когда Хлоя плакала над разбитой коленкой; когда Ханна узнала, что зубной феи не существует.

– Все хорошо, – твердит муж. – Ты в порядке. Все наладится, вот увидишь.

Я хочу ему верить. Очень хочу, но как? Ведь я совершила ужасное преступление! Тело вновь выгибает дугой, из груди вырывается очередной стон-рыдание.

Последнее, что я помню, – ощущение холодной жидкости, которая течет мне в руку, бежит вверх по вене, жжет и щиплет. Тело обмякает, окружающий мир гаснет, а мысли уплывают – туда, откуда начался этот кошмар.

Глава 2

Шестью неделями ранее...

В первое мгновение мне кажется, что вставать на работу не надо. Что сегодня ленивое летнее воскресенье. Стоит поздний сентябрь, но солнце упрямо греет воздух. Легкий свежий ветерок колышет кисейные занавески. Я люблю спать с открытым окном – это дает ощущение свободы.

Однако сознание медленно пробуждается, и на меня всей тяжестью наваливается реальность. Нет у меня никакой свободы. Особенно сейчас, накануне дня рождения сестры.

Я лну к спящему Люку, ищу поддержки в прикосновении к другому человеку. Смотрю на часы и громко вздыхаю – сегодня понедельник! Протягиваю руку, отключаю будильник. Зачем я его программировала? В последние дни будильник мне не нужен, ведь сон со мной больше не дружит.

Я думаю о маме. Подошел сентябрь, и с каждым днем она все дольше смотрит на календарь, молча отмечает время. Чем ближе к двадцать восьмому числу, тем сильнее мамина тревога. Еще сорок восемь часов. Мне пора бы привыкнуть к ритуалу. Все-таки ему уже двадцать лет – чуть ли не вся моя жизнь. Однако чувства, которые ежегодно пробуждает эта дата, всегда застают меня врасплох. Чем старше я становлюсь, тем больше и полнее ощущается потеря сестры, тем острее и глубже рана. Мне больно и за себя, и за маму.

Я столько лет мечтала о возвращении Элис... Мечтала не только из сочувствия маминому горю, но из эгоизма тоже: вот бы черная туча, нависшая над нами, наконец исчезла! В детстве я не хотела быть сестрой девочки, которую отец повез в Америку да так и не вернул, или дочерью матери, убитой горем. Я хотела быть Клэр Кеннеди. Хотела нормальной, обыкновенной семьи.

Я до сих пор этого хочу.

Через полчаса нужно начинать военную операцию по сбору девочек в школу и детский сад. Я прижимаюсь к мужу. Он часто помогает мне избавиться от печалей и тревог – вбирает их, выпитывает, и тогда мои чувства текут свободно, ничто их не сдерживает.

Люк шевелится, я кладу на него руку, нежно обнимаю. Мы прожили восемь лет в браке, родили двоих детей, но не наскучили друг другу. Люк поворачивает голову, целует.

– Доброе утро, малыш, – с закрытыми глазами произносит он и вновь отворачивается. – Спокойной ночи, малыш.

– Эй, дружок, куда это ты? – шепчу я, опускаю руку ниже, притягиваю его к себе.

Люк открывает один глаз, смотрит на часы.

– Господи, Клэр, только половина, черт возьми, шестого.

– Ну и ладно... – я отметаю его возражения поцелуями.

Люк улыбается и открывает второй глаз.

– Нет, так нечестно!

Он сгребает меня в охапку, и я ненадолго забываю обо

всех проблемах реальной жизни.

– Как у нас дела? – спрашивает мама, входя в кухню.

Мы с Люком торопливо готовим завтрак, по очереди его едим и подсказываем девочкам, что делать. Конечно, семилетняя Ханна уже многое умеет сама, ее только нужно подбадривать. А вот трехлетняя Хлоя требует более активного родительского участия.

Мы живем с моей матерью, Марион, в том самом доме, где я выросла. Мы переехали к ней, когда Люк еще был непризнанным художником, а я только окончила университет и получила первую работу в адвокатской конторе. Кое-кто скажет, что Люк и по сей день остается непризнанным художником. Под «кое-кем» я подразумеваю маму. Хотя замечу в ее оправдание – она весьма снисходительна.

С рождением девочек нас в доме стало пятеро. Хорошо, что «Приют викария», где мы обитаем, достаточно вместительный: у мамы есть собственная гостиная, а у Люка – студия в пристройке.

– Ну что я буду слоняться одна по такому большому дому, глупо ведь, – сказала мама, когда семья увеличилась. – Да и цены на недвижимость возле Брайтона жуткие. К тому же мне не помешала бы компания. Девочки будут расти у меня на глазах, а вы получите бесплатную няню.

Мама была права. Ее аргументы звучали разумно и весьма практично, но мы обе знали правду. Я никогда не перееду.

Из-за того, что произошло.

Да и, честно говоря, вряд ли я смогла бы. Люк хотел, чтобы мы купили дом, накопили собственные воспоминания. Даже если бы моя душа поддержала идею мужа, разум не позволил бы ее осуществить. Я не в состоянии оставить маму одну.

– Нельзя быть заложницей того, что произошло еще в детстве, – однажды ночью сказал Люк. Мы уже легли, и муж последний раз попытался меня переубедить.

На самом деле можно. Я всегда знала, что так оно и будет. Единственный вариант не быть заложницей – возвращение Элис.

– Иди ко мне, Хлоя, – говорю я, поднимая дочь с игрового коврика. – Пора за стол. Доброе утро, мама.

Я усаживаю Хлою на высокий стульчик, Люк протягивает миску с цельнозерновыми хлопьями. Потом, насвистывая, заваривает чай.

– Кое-кто с самого утра счастлив, – замечает мама и берет тост.

Замечает с улыбкой, но унылый тон все портит. Мы с Люком переглядываемся.

– Утро прекрасное, солнце светит, и моя любимая семья рядом. В том числе и вы, – воодушевленно отвечает Люк.

Он радостно улыбается маме в попытке поднять ей настроение. Она смотрит в сторону, глаза машинально ищут календарь на стене, замирают на дате, до которой еще два

дня.

– Мне сегодня нужно в город, – сообщает мама. – К ювелиру.

Ей необязательно объяснять, мы и так знаем – она едет за подарком для Элис. Ни один день рождения сестры, ни одно Рождество не обходятся без покупки подарка: Элис получит их, когда вернется. Не «если», а «когда».

– Хотите, я вас отвезу? – предлагает Люк. – Забросим Хлою в садик и поедем к ювелиру.

– Правда? Вот спасибо. – Теперь улыбка мамы теплеет.

Я рада, что у Люка с мамой хорошие отношения. Так гораздо проще жить под одной крышей. Большинство наших знакомых проводят время с родными по вечерам, за ужином. В семействе же Теннисонов приняты семейные завтраки. Я часто прихожу с работы поздно, когда девочки уже поужинали. Такой режим дня не совсем подходит для Люка, но ради нас он старается, и я это ценю.

– Ханна, у тебя сегодня флейта, – напоминаю я, отправляя ложку с хлопьями Хлое в рот. – Люк, ты не забудешь? Нотная тетрадь, по-моему, так и лежит наверху, на пианино в гостиной.

– Э... да, все под контролем. – Люк театрально шепчет Ханне на ухо: – Ты взяла нотную тетрадь?

Ханна стреляет глазами в мою сторону и шепчет в ответ:

– Нет. Я думала, ее взял ты.

Делаю вид, что не замечаю, как Люк подносит палец к гу-

бам и бормочет:

– Предоставь это мне. Я все сделаю.

Ханна хихикает, Люк мне подмигивает и с наигранной беспечностью наливает чай.

– Господи, вы часы видели?! – Я поспешно сую очередную ложку в рот Хлое. – У меня в девять понедельничная разборка с Томом и Леонардом. Ну же, Хлоя, жуи скорее.

Люк отбирает у меня ложку.

– Марш отсюда. Не заставляй начальника ждать.

– Он мне больше не начальник, – поправляю я, глотаю налитый Люком чай и морщусь, обжигая горло. – Запомни, я теперь равноправный партнер.

– Хм-м, а ведешь себя так, будто Леонард по-прежнему твой начальник. И Том, кстати, тоже. Пусть в кои-то веки тебя подождут.

Я пропускаю замечание мимо ушей и целую на прощание девочек.

– Хорошего дня, мои милые. Ханна, не забудь отдать учителю разрешение на участие в соревнованиях по плаванию. Хлоя, будь умницей в садике. Мама вас очень любит.

– И я тебя люблю. – Ханна посылает мне вслед воздушные поцелуи, а я уже огибаю стол.

– И я фефя лубу, – повторяет Хлоя с полным ртом, разбрызгивая мокрые хлопья и молоко.

– Не забудь, после школы ты едешь к Дейзи, – напоминаю Ханне, затем и Люку: – Пиппа заберет Ханну и напоит ее

чаем. Потом привезет к нам.

Пиппа – одна из моих малочисленных подруг тут, в деревне. Если бы наши дочери не подружились в школе, я бы вряд ли познакомилась с Пиппой.

– До вечера, мам. – Я чмокаю маму в щеку.

Потом наклоняюсь поцеловать Люка. Его руки обвивают мою талию, поцелуй длится чуть дольше приличного.

– Покажи им там, малыш, на вашей разборке в джунглях. – Люк отпускает меня и изображает Мохаммеда Али во время знаменитого боксерского поединка, известного как «разборка в джунглях». – Порхай «бабочка, жаль как пчела».

Обожаю этого мужчину. Он мой лучший друг, мой любовник, мой муж, мое все. Я хлопаю его по раскрытой ладони, хватаю пиджак со стула и выбегаю из кухни в коридор.

Здесь меня ждут портфель и сумка-тележка. Последняя набита папками, которые я брала почитать домой на выходные. Я задерживаюсь в дверях и кричу через плечо:

– Не забудьте про...

– Флейту! – хором перебивают Ханна с Люком.

В хороший день дорога от нашей деревни до Брайтона занимает минут тридцать – а сегодня день хороший. Я отгоняю мысли об Элис и подпеваю песне, звучащей по радио. Она кончается, и диджей объявляет следующую – ретрозапись. Я узнаю ее с первых же аккордов: «Slipping Through My

Fingers» группы «АВБА»¹. Сердце подпрыгивает, к глазам подступают слезы, да так резко, что дорога на миг расплывается. Эта песня напоминает нам с мамой о том, что в нашей жизни зияет дыра размером с Элис. Оглушительный гудок возвращает меня в реальность. Сердце вновь подпрыгивает, теперь от всплеска адреналина: оказывается, я проскочила на красный свет.

– Черт!

Резко жму на педаль тормоза – на меня летит встречная машина. Если бы у моего автомобиля вместо колес были ноги, то сейчас он стоял бы на цыпочках; к счастью, у «БМВ» надежная антиблокировочная система. Я жестом извиняюсь перед водителем встречной машины, который тоже успел остановиться.

Читать по губам я не умею, однако он явно произносит что-то нелестное в мой адрес. Я беззвучно говорю «прости-те», водитель тут же рвет машину с места, покрышки сердито взвизгивают напоследок.

Через несколько минут я благополучно паркую «БМВ» на стоянке адвокатской конторы «Карр, Теннисон и Эггар» и смотрю на себя в зеркало заднего вида – не потекла ли тушь? Не очень-то хорошо являться на работу с черными разводами под глазами.

¹ «Ускользает сквозь пальцы», песня легендарной шведской группы «АББА». Посвящена сожалению матери о том, насколько быстро выросла ее дочь и как мало времени они провели вместе. – *Здесь и далее примеч. пер.*

Все, я спокойна. Забираю вещи и толкаю двери в особняк тридцатых годов прошлого века, переоборудованный под нашу контору.

– Доброе утро, Нина, – приветствую администратора в приемной и, придерживая дверь бедром, затаскиваю сумку-тележку.

– Доброе утро, Клэр, – отвечает Нина.

Потом приглядывается ко мне внимательнее: значит, следы слез я не оттерла. Впрочем, Нина никак не комментирует увиденное, лишь кивает на матовую дверь в конце коридора и говорит:

– Том с Леонардом уже в конференц-зале.

Я бросаю взгляд на часы. Восемь пятьдесят. Партнеры подождут, а я пока отвезу папки к себе в кабинет и освежу макияж.

В маленькой приемной перед кабинетом сидит за столиком Сэнди, мой секретарь.

– Доброе утро, Сэнди. Как выходные?

– Доброе, Клэр. Замечательно. А у тебя?

– И у меня хорошо.

Я не смотрю на Сэнди – надеюсь, она не заметит плачевного состояния моего макияжа. Наспех стираю потеки туши перед зеркалом, висящим на внутренней стороне шкафа для документов.

– А, вот ты где. – В кабинет стремительно входит Леонард, я вижу его в зеркало. Он умолкает и окидывает меня прони-

цательным взглядом. — Все нормально?

— Да. Уже да. — Я взмахиваю над ресницами щеточкой от туши.

— Точно?

— Абсолютно. Меня обхаживали по дороге. Утро понедельника, все спешат.

— Нарушила ты?

Я взвешиваю, сказать ли правду, и эти раздумья выдают меня с головой. Леонард закрывает дверь и подходит ко мне.

— Ты точно в порядке? Я ведь знаю про дату.

Я опускаю голову. Мне стыдно не только за свою рассеянность, но и за неумение скрывать чувства. Вновь смотрю в зеркало на Леонарда, стараюсь придать лицу уверенное выражение и еще раз подкрашиваю ресницы.

— У меня все хорошо. Честное слово. Спасибо за заботу, — улыбаюсь я, и Леонард отечески похлопывает меня по руке.

— Тогда вперед, мы тебя ждем. — Он возвращается к своей привычной бодрой деловитости. — У меня мало времени. Скоро приедет треклятая миссис Фриман.

— Миссис Фриман?

Я прячу тушь в карман пиджака и выхожу следом за Леонардом, пытаюсь вспомнить, о ком речь. Кажется, на разборке в прошлый понедельник что-то говорили...

— Да. Старуха с кислой физиономией. Нашу миссис Фриман бросил муж. Удивляюсь, почему он терпел ее так долго. Она, наверное, была чертовски хороша в постели, боль-

ше ничего на ум не приходит. Поверь, такой красотке надо в койке мешок на голову надевать. И себе заодно – на всякий случай, а то вдруг с нее мешок свалится.

– Леонард, ну что ты такое говоришь, – укоряю я, а сама невольно улыбаюсь.

Леонард ужасно честен, порой до грубости, и на фирме об этом ходят забавные легенды.

Том уже в конференц-зале, стоит у застекленной двери, ведущей в частный сад. При звуке наших шагов оборачивается.

– Отлично, ты ее нашел. – Он с улыбкой кивает мне и занимает место за столом. – Я тебе кофе принес. Как выходные?

– Хорошо. – Я тоже сажусь. На самом деле мне хочется сказать – плохо. Кошмарные были выходные; с приближением очередного дня рождения маме тяжело как никогда. Но я молчу. Том в курсе происходящего. За годы нашей дружбы он столько раз меня поддерживал! Я меняю тему: – Жаль, что ты не приехал на барбекю. Все уладилось?

– Да, ты уж прости, – вздыхает Том. – Изабелла вдруг передумала и затребовала Лотти назад. Мол, у них прием в честь бабушки или еще какое-то мероприятие.

– Изабелла никак не уймется? – спрашивает Леонард, устраиваясь во главе стола.

– Да уж. Обычное дело. Деньги. Ее последний каприз – отвезти Лотти в Нью-Йорк покататься на лыжах. Стоит целое

состояние, а раскошелиться должен я. Разве мало им было недели у моря?

– А все потому, что ты не подписал с Изабеллой брачный контракт, – замечает Леонард и, открыв блокнот, достает из внутреннего кармана перьевую ручку «Монблан». – Как я, по-твоему, выжил после трех разводов?

Я шлю Тому сочувственную улыбку. Леонард нам все уши прожужжал о важности брачного контракта.

– Урок усвоен, – говорит Том.

– А тебе заключить такой контракт еще не поздно, – назидательно сообщает Леонард.

Он не отрывает взгляд от блокнота, но постукивает ручкой по столу передо мной.

– У нас с Люком все прекрасно. Думаю, и дальше так будет, – возражаю я.

Замечание Леонарда меня уязвило.

– Ну-ну. «Гордыня до добра не доводит» и все такое прочее.

Я не отвечаю. Спорить бессмысленно, по этому вопросу мы с Леонардом никогда не сойдемся.

Том ловит мой взгляд, одними глазами спрашивает: «Ты в норме?», я коротко киваю, и мы переходим к делу.

Наши понедельничные разборы, как мы их любовно называем, дают возможность рассказать о своих рабочих делах двум другим партнерам. В отношении работы Леонард – большой педант, он считает эти совещания крайне важными

для продуктивного управления фирмой.

Так любой из нас может подстраховать партнера, если тот заболел, и взять его дело. Разборки – хорошая традиция, с них приятно начинать неделю, с ними легко поддерживать на фирме семейный дух – мы все трое им очень дорожим.

После разборки я встречаюсь с клиентом, затем иду узнать, свободен ли Том. Его секретарь быстро печатает на компьютере. Она одаривает меня мимолетной улыбкой, не прерывая работы. Дверь к Тому открыта – значит, он не занят. Мы не важничаем и не требуем доклада о своем приходе.

– Тук-тук. Кофе будешь? – Я показываю Тому две чашки.
– Золотые слова, – кивает он.

Мы с Томом вместе отучились в университете, вместе его окончили. В студенчестве у нас завязался небольшой роман, но как только мы получили дипломы, решили оставить любовь за дверями Оксфорда.

Мы были амбициозны, мечтали о карьере, однако и после расставания поддерживали связь. Именно я через год своей работы на фирме порекомендовала Тома начальству.

Предложение о партнерстве мы с Томом получили одновременно.

Я спиной толкаю дверь, та закрывается.

– Ну а теперь, когда мы одни, расскажи, что произошло вчера на самом деле. – Я ставлю кофе перед Томом и сажусь

напротив.

– Вот за это я тебя и ценю, – говорит Том. – Никаких предисловий. Никакого хождения вокруг да около. Сразу берешь быка за рога.

– Если я начну ходить вокруг да около, ты скажешь «ближе к делу».

– Правда, – кивает Том. – Хотя рассказывать особо нечего. Изабелла взбесилась от ревности, когда поняла, что я везу Лотти к тебе. Ну... как обычно.

Я хмурюсь.

– Изабелла до сих пор ревнует? Сколько можно? Вы в разводе уже... года три?

– Ты же ее знаешь!

Увы, знаю. Вспыльчивость и ревность бывшей жены Том объясняет горячей итальянской кровью. Люк куда спокойнее относится к нашему с Томом прошлому, за что я ему очень благодарна.

– Ну да ладно, хватит обо мне. Ты-то как? – спрашивает Том.

Медлю с ответом. Может, изобразить непонимание – мол, о чем ты? Отметаю эту мысль. Том прекрасно помнит о дате, которая нависла над нами черной тучей на горизонте. Я шумно вздыхаю.

– Непростая неделя. Мама мрачнеет с каждым днем. Я надеялась, что воскресные посиделки ее взбодрят. Она старалась, умничка, но явно через силу. Леонард, спасибо ему, от

мамы почти не отходил, ей вроде бы нравилось.

– Я спрашивал о тебе. Как твоя мама, я знаю; легче ей не становится. – Том отпивает кофе. – Клэр, как ты сама? Хорошо спишь? Вид у тебя усталый.

Я выдавливаю вялый смешок.

– Вежливый намек, что я паршиво выгляжу?

– Я этого не говорил.

– Сплю не очень, если тебе так уж интересно. Осенью я вечно сама не своя. Не понимаю, что чувствую, что вообще нужно чувствовать. За кого я переживаю? За маму? За Элис? За себя? Сегодня ночью я думала – действительно ли скучаю по сестре? Она пропала так давно, что я живу без нее почти всю жизнь. – Я ненадолго умолкаю, смотрю в окно. – Мы ведь в этом году нанимали очередного детектива, опять пытались ее разыскать, но, как всегда, без толку.

– Ни за что бы не подумал, что в наше время трудно найти человека. Однако сколько мы уже ищем, а все никак.

– Я подозреваю, что у нее другая фамилия. Элис ведь уже двадцать с небольшим, вдруг она замужем? Или не хочет, чтобы ее нашли?

– Все может быть. Ты маме об этом говорила?

– Конечно. Мама и сама не глупая, но ей не будет покоя, пока не выяснится хоть что-нибудь. Осенью наше семейство булбуревуют такие чувства, что даже страшно. И непонятно, как ими управлять.

У Тома звонит телефон – внутренний.

– Да, Нина. Да, она здесь. – Том смотрит на меня, слушает. Его лицо становится серьезным. – Хорошо, спасибо... Привет, Люк, это Том. Передаю трубку.

Люк никогда не звонит мне на работу. По правилам – только в экстренных случаях.

Я хватаю телефон:

– Люк, что случилось? Девочки?

– С девочками все хорошо.

В его голосе я улавливаю тревогу и напрягаюсь.

– С мамой тоже, – отвечает Люк, опережая мой вопрос. – Ничего плохого не произошло...

– А что тогда?

– У нее небольшой шок. Приезжай домой.

– Шок? В смысле?

Я смотрю на Тома, будто он может чем-то помочь. Том кивает на телефон:

– Хочешь, я с ним поговорю?

Я мотаю головой.

– Тут такое дело, малыш, – слышу я в трубке. – Мама получила письмо. – Люк умолкает, я мысленно вижу, как он переминается с ноги на ногу. Напряжение ощутимо даже на расстоянии. – Письмо... от Элис.

– Элис? – задыхаюсь я.

– Ага, Элис.

– Элис – то есть от моей сестры Элис?

– Похоже на то.

– Черт! – Встаю, ноги ватные, и я вынуждена опереться о спинку стула. – Сейчас приеду.

Глава 3

Дорогая Марион!

Мое послание наверняка очень тебя удивило и даже потрясло. Написать я решилась не сразу. Я начинала письмо сотню раз, потом все черкала и начинала снова. Ну правда – что сказать маме, которую ты не видела двадцать лет? Не уверена, правильно ли я сделала, но не написать мне показалось неправильным.

Ты спросишь, почему я столько лет молчала. Дело в том, что у меня не было твоего адреса, а узнать его у отца я не смела. Я почему-то с раннего детства поняла, что об этом спрашивать нельзя. Я приехала в Америку совсем малышкой, и об Англии у меня сохранились лишь обрывочные воспоминания. Но те, что сохранились, я берегу, как сокровище.

Помню, как мы с тобой пекли пирожные с масляным кремом и разноцветной посыпкой; как я потом вылизывала миску после крема. Как мне читали сказки на ночь; я обожала историю про кота, который не любил рыбу. Ясно помню, как меня катали на качелях, а я визжала от радости и просила – выше, выше. Я хотела достать ногами до облаков, представляла их мягкими и воздушными, как зефир.

Помню твою улыбку, чудесную улыбку. В моих воспоминаниях ты много смеешься и всегда носишь розовую помаду. Не яркую и сочную, а бледно-розовую;

она блестела, когда ты разговаривала. Если мы с Клэр устраивали игру в переодевания, ты разрешала нам накраситься своей помадой. Я складывала губы буквой «о» – копировала тебя.

Я старательно цеплялась за эти воспоминания, они так много для меня значили. Отец не любил разговоров о прошлом; время шло, оно все сильнее отдаляло меня от Англии и делало то же самое с моей памятью. Не знаю, когда именно мысли об Англии перестали посещать меня каждую ночь, когда дни между этими мыслями растянулись до недель, а затем и до месяцев – но воспоминания никуда не пропали, я просто перестала их навещать.

Я не забыла ни тебя, ни Клэр; ты ведь понимаешь? Я просто была еще маленькой, и жизнь моя шла своей дорогой. Втайне я мечтала: однажды я найду вас, или вы найдете меня. Мечта сбылась, и я очень надеюсь на дальнейшее общение.

Не знаю, в курсе ли ты, но отец, Патрик, в прошлом году умер. Твой адрес мне дала мачеха, Рома, и сказала: я всегда хотела, чтобы ты поддерживала связь с матерью, да только отец не разрешал. Понятия не имею, что между вами произошло, эта тема была у нас под запретом. Но то было между вами, у меня же осталось уверенное ощущение – ты меня очень любила. Именно оно в конце концов подвигло меня написать тебе.

Надеюсь, мое письмо не причинило тебе боли – прости, если оно разбредило старые раны.

Я очень-очень ждущ ответа от вас с Клэр, даже если он поставит точку в наших отношениях. Хотя в душе я надеюсь на хорошее.

Твоя дочь Элис.

Целую.

Р. С. Лишь после смерти отца я нашла свое свидетельство о рождении и обнаружила, что моя фамилия не Кендрик, как я думала, а Кеннеди. Видимо, в Америке папа сменил нам фамилию, а я и не подозревала, потому что до сих пор мне не нужен был загранпаспорт. Возможно, поэтому вы меня и не находили – если искали.

Я разглаживаю бумагу, которой касалась моя любимая младшая сестренка. Смена фамилии объясняет все. Неудивительно, что нам никак не удавалось найти Элис, ведь мы искали другого человека. Всем частным детективам мы давали имя Патрика Кеннеди. Помню, один сыщик был совершенно уверен в успехе. Хоть Патрик Кеннеди и гражданин США, его легко выследить, уверял детектив. Свою неудачу он потом объяснил так: в Америке много ирландцев по имени Патрик Кеннеди, и определить нужного невозможно. Господи, если б мы только знали о смене фамилии!

Что ж, умный ход. Отец не хотел, чтобы его нашли. Он наверняка спланировал все еще до отъезда. Я не в состоянии оплакивать смерть этого человека. Как можно о нем говорить, если он причинил нам столько боли – в первую оче-

редь маме? Его поступок непростителен.

Отец одурачил всех. Такой уж он был: подлый, злой и черствый. Но что толку теперь терзаться? Нам пришло письмо от Элис, и это – чудо из чудес! Неважно, что сделал отец в прошлом; важно лишь наше будущее.

Я смотрю на маму. Глаза ее блестят от слез. Ком у меня в горле разрастается еще больше, я в два шага пересекаю комнату и падаю на колени перед мамой, обнимаю ее. Слезы бегут ручьем; двадцать лет нестерпимой муки выплескиваются из нас, точно цунами.

– Клэр, она вернулась, – рыдает мама мне в волосы. – Она будет с нами.

Не знаю, сколько мы вот так цепляемся друг за друга, но я наконец поднимаю голову. Улыбаюсь маме, она улыбается в ответ. Обнимает ладонями мое лицо, прижимает лоб ко лбу.

– Моя мечта сбылась...

– Да, мама, да, – шепчу я. – Элис нас нашла. Сколько лет поисков, сколько горя, а теперь она сама нас нашла.

Мама выпрямляет спину, я встаю с пола и усаживаюсь рядом на диван. Мама забирает у меня письмо, разглаживает – мы помяли его во время объятий.

– Кендрик. – Она грустно качает головой. – Если б мы только знали...

– Не надо сожалений, мама. Прошлого не изменить. Настоящее важнее.

– Да-да, ты права. Мне просто нужно время, чтобы переварить новости. Ты ведь прочла об отце?

– Прочла. Он умер.

Я пожимаю плечами. Я не ощущаю привязанности к человеку, о котором пишет Элис. Помню лишь свой страх перед ним, помню жуткий раскатистый голос, но самого Патрика Кеннеди я не знаю. Не умею горевать о чужих людях. Я не страдала из-за его ухода, страдала лишь из-за Элис. Мой так называемый отец никогда не был для меня живым. Может, потому-то я с такой готовностью привязалась к Леонарду, он как раз отвечал моим представлениям о настоящем отце.

Остаток утра мы обсуждаем ответ Элис. Нам обеим не терпится рассказать, как мы думали о ней, как мечтали найти, как сильно мы ее любим. Не перестаем любить уже двадцать лет.

– Я набросаю черновик, – предлагает мама. – Покажу тебе. А ты добавишь что-нибудь от себя.

– Хорошо. Я пока подумаю.

Мама уже отошла от шока, ей хорошо, и я со спокойной душой уезжаю в контору. Я впервые не могу отделить личную жизнь от работы, и мысли мои весь день возвращаются к Элис и к письму. Хорошо, что секретарь у меня отличный – я пишу в юридическом документе не те имена и делаю неверные отсылки. А это важное бракоразводное дело, но Сэнди, слава богу, замечает обе ошибки.

– Твоя рассеянность неудивительна, – в конце дня говорит

Том по дороге к стоянке. – Я сам ни о чем другом думать не могу.

– Серьезно?

– Seriously. Поиски Элис, тоска о ней стали важной частью твоей жизни. Автоматически – и моей тоже.

Я удивлена. Да, пожалуй, так оно и есть. Никогда об этом не задумывалась.

– Я заиклилась? – спрашиваю.

Том поджимает губы, размышляет.

– Я бы не сказал, что заиклилась. Скорее – сроднилась, за столько-то лет.

– Да уж.

– Эй, хватит грузиться. – Том шутливо толкает меня плечом. – Как воспринял новости Люк?

– Молча, – признаюсь я.

Люк в основном сидел в кресле и наблюдал. Еще готовил чай, подбадривал меня объятиями, но ничего не комментировал.

– Что ему известно о вашей истории?

– Все. Как и тебе. Как мне. Папа взял Элис с собой в отпуск и не вернулся. Больше тут знать нечего.

К глазам подступают непрошеные слезы, и я мысленно себя ругаю – неужели нельзя сдержаться? Я ведь не плакса. По крайней мере, раньше ею не была.

Том внимательно на меня смотрит, мне неловко. Он привлекает меня к себе. Годы исчезают, я переношусь назад

в университет. В объятиях Тома спокойно и безопасно. Он целует меня в макушку.

Я отшатываюсь, едва не стукнув его головой. Не в тех руках я ищу покоя. Отступаю на шаг.

– Спасибо. – Я роюсь в сумочке, не в силах посмотреть Тому в глаза. Выуживаю ключи от машины. – Поеду-ка я домой, посмотрю, что написала мама. Весь день об этом думаю. Не хочу, чтобы она увлеклась и напугала Элис.

Я несу вздор – от смущения, вызванного мимолетным возвращением прежних чувств.

Том прячет руки в карманы брюк. На губах играет легкая улыбка, в глазах – смешинки.

– Что? – спрашиваю я.

Он мотает головой и наклоняется за портфелем.

– Расслабься, Клэр, это было дружеское объятие.

– Да. Знаю. – Чувствую себя дурочкой. – Сегодня я сама не своя.

Обнимаю Тома и чмокаю в щеку, мы всегда так делаем. Добрые друзья. Старые приятели. Коллеги.

– Вот тебе доказательство.

Люк наверху, купает девочек. На волосах у него полоска желтой акриловой краски, на щеке – синяя клякса.

– О, ты нашел время для картины. Как продвигается дело? – Я опускаюсь на колени рядом с мужем и брызгаю водой на спину Хлое.

Та радостно визжит и хохочет.

– Неплохо, – говорит Люк. – Сегодня не удалось нормально поработать. Попробую позже, когда эти проказницы уснут. Пора вылезать, Ханна. Так, полотенце.

– Давай руку. – Я помогаю Ханне выбраться из ванны, укутываю дочь полотенцем.

– И я, и я! – кричит Хлоя.

Она все повторяет за Ханной. Как Элис в детстве. Та целыми днями ходила за мной, просила с ней поиграть. Обычно я соглашалась, но иногда Элис меня раздражала. Я хотела, чтобы ко мне не приставали. Поэтому сбегала от сестренки и пряталась в саду. Это воспоминание, как всегда, будит чувство вины. Я уже двадцать лет с ним живу. Мечтаю как-то все исправить. Наконец у меня появился шанс.

Мы с Люком дружно готовим девочек ко сну. Сегодня я укладываю Хлою. Она потихоньку засыпает, а меня вновь поглощают мысли об Элис. Будто своим письмом она разрешила мне все вспомнить.

Элис и я в саду. Мы постелили скатерть в розово-белую клетку и устроили чаепитие для кукол и мишек. Собрали с кустов ежевику и малину. Они съедобные, мы знаем.

Потом я зачем-то – уже не помню, зачем, – нахожу на лужайке грибы и раскладываю их по блюдам. Поднимаю взгляд – Элис жует гриб. Я велю ей выплюнуть и больше об этом не думаю, но после «чаепития» Элис идет домой, ей очень плохо.

В конце концов мама вызывает врача, который не может объяснить недомогание. Я же страшно пугаюсь и потому молчу. Папа убьет меня, если узнает. Мама уходит проводить врача, а я беру с Элис обещание никому не говорить про грибы. К счастью, на завтра она выздоравливает, но маме и по сей день я не рассказываю правду...

Дверь приоткрывается, в щель бьет свет с лестничной площадки. Это Люк.

– Все в порядке, малыш? – шепчет он.

Я бросаю последний взгляд на мирно спящую Хлою и иду за ним в спальню.

– Где Ханна?

– Ужинает внизу с мамой. – Люк притягивает меня к себе. – Как ты?

– Хорошо. Весь день думаю об Элис.

– Неудивительно.

– Мне очень радостно, но и немножко страшно.

Люк убирает прядь волос с моего лица и говорит:

– Ты только пойми меня правильно... Будь осторожна, пожалуйста. Не воодушевляйся слишком. Чтобы потом не стало больно.

– То есть?

– Ну, столько времени прошло... Вы совсем не знаете друг друга. Такие воссоединения не всегда проходят гладко.

– Ты что, настроен против Элис?

Я выскальзываю из рук Люка, начинаю раздеваться. Для

меня всегда удовольствие сменить рабочие юбку и блузу на удобные спортивные штаны с футболкой.

— Я не настроен против, а осмотрителен. — Люк хочет что-то добавить, но сдерживается.

— Что? — спрашиваю я, натягивая футболку. — Что ты хотел сказать?

— Ничего.

— Неправда. Я видела.

— Тебе неизвестны намерения Элис. — Люк пожимает плечами.

— Намерения? Ты о чем?!

Я закипаю. Неужели нельзя просто разделить мои чувства? Порадоваться за меня? Люку ведь известно, как много это значит для нас с мамой. Откуда же негативный настрой?

— Ты не знаешь, что именно рассказывали Элис об отъезде. У нее может быть совсем другое представление о прошлом. — Люк вздыхает. — Послушай, Клэр, я рад, что Элис нашлась. Исчезновение сестры уже много лет причиняет тебе боль, и если ее возвращение эту боль излечит, я только за. Я только прошу — будь осторожна, не спеши, и тогда, если повезет, все сложится хорошо.

Люк уходит вниз, оставляет меня подумать. В голове начинается шевелиться сомнение. Что знает Элис? Что ей говорили? Помнит ли она нас? Я мысленно возвращаюсь в день ее исчезновения.

Я была в гостинной, помогала Элис раскрашивать картин-

ки. Услышала, как родители в кухне начали ссориться, и подумала – обычная размолвка, мало ли что.

Ссора разгоралась, мама говорила все громче, все визгливее. Слов не разобрать, но я помню голос: слова выплескивались наружу с трудом, точно мешали друг другу в мамином горле, точно им не хватало там места.

Отцовский же голос, наоборот, звучал низко и сильно. Он нарастал, проникал сквозь стены. Даже с кухни наполнял гостиную холодом – ледяным, безжалостным.

Дверь кухни распахнулась, ударила ручкой о стену. В этом месте стена давно пошла трещинами – дверь била по ней уже не раз. В коридоре загремели шаги отца в сторону гостиной. За ними следовал жалобный мамин плач.

Я попятилась к дивану, нырнула под подушки, ища тепла в складках ткани. Прижала колени к груди, крепко обняла, спрятала в них лицо. Я дрожала. Мерзла.

Элис так и сидела на полу, раскрашивала принцесс в книжке и не подозревала о надвигающейся буре.

Элис никогда не мерзла. Она была теплой. Любимой.

Дверь в гостиную открылась, вошел отец. По пятам за ним – мама.

Я глянула на нее украдкой.

Глаза у мамы покраснели, она даже не пыталась вытереть бегущие по щекам слезы. Меня она не замечала, умоляла отца:

– Патрик, пожалуйста... – Мама потянула его за рукав. –

Ну что ты надумал. Я даже не знаю, куда ты едешь.

– Говорю же – к родственникам, которых не видел сто лет.

– Вот и я о том же. Зачем тебе к ним? Сколько уже прошло? Лет двенадцать? Твои родители умерли, сестер-братьев нет. Ну давай хотя бы поедем вместе, пожалуйста...

– Нет.

– Почему?..

Отец глянул на маму.

– Сама знаешь, почему.

– Это ведь замечательная возможность побыть всем вместе, семьей. Иначе выходит, что ты едешь с Элис, а нас с Клэр бросаешь. – Мамин голос оборвался, она утерла глаза ладонью.

– Хватит! Прекрати истерику, женщина. Я уезжаю в отпуск и беру с собой Элис. Точка, – отрезал отец.

Его голос, в отличие от маминого, звучал спокойно и жестко. Отец посмотрел на Элис, презрение и гадливость во взгляде тут же исчезли, уступив место нежности и любви.

– Пойдем, солнышко. Надевай пальто, моя умница.

Отец протянул Элис красное пальто с капюшоном. Она нерешительно встала. Кажется, только теперь поняла – что-то не так.

– А мама едет? И Клэр? – спросила сестренка.

– Мы едем вдвоем, милая, – ответил отец и легонько встряхнул пальто. – Ну же, одевайся, пожалуйста.

Она послушно сунула руки в рукава, отец застегнул про-

долговатые деревянные пуговицы.

Мама кинулась к Элис, заключила в объятия, зарылась лицом в ее волосы. Покрыла ее поцелуями, погладила по голове, взяла лицо в ладони, заглянула в глаза.

– Я люблю тебя, Элис. Мама очень-очень тебя любит.

Отец оттащил малышку.

– Хватит. Не расстраивай ребенка.

В мою сторону он ни разу не взглянул. И хорошо. Если бы отец меня заметил, то вдруг тоже забрал бы с собой? Я не хотела уезжать. Хотела остаться с мамой. Я глубже зарылась в подушки, крепче обняла колени.

Отец за руку повел Элис прочь. В дверях она помедлила. Посмотрела на меня, потом на маму.

– Пока, мамочка. Пока, Клэр, – пропищала сестренка.

Я часто думала – действительно ли она тогда прощалась? Или, наоборот, просила ее не отпускать? Мама подбежала к ним, схватила отца за руку.

– Позвони, когда доберешься. Сообщи, где вы остановились. Вы едете на две недели, да?

Он не ответил, стряхнул мамину ладонь.

– Пойдем, детка.

Я хотела удержать Элис. Хотела помешать ему, но от страха не могла пошевелиться. Отец может меня заметить. Вдруг он и меня увезет? Не смела даже головы повернуть и только краем глаза смотрела вслед Элис.

Затем, стряхнув с себя оцепенение, я метнулась к окну.

Элис села в автомобиль. Отец пристегнул ее ремнем безопасности. Захлопнул дверцу, прошел к водительскому месту. Я видела темный затылок сестренки в стекле заднего окна машины.

Что-то заставило ее оглянуться. Она вскинула на меня голубые глаза. В тот же миг я поняла, что Элис не вернется. Она тоже это поняла.

Глава 4

Спала я плохо. Каждые два часа открывала глаза, ворочалась с боку на бок, в голове мелькали образы Элис, их вытесняло лицо отца, на его месте вдруг возникали змеи и пауки. Не самые мои любимые создания. Среди ночи Люк в полусне погладил меня по голове, пробормотал – ну-ну, спи, малыш. И хотя это не помогло, мне все равно было приятно.

Утром, пока все еще спят, я успеваю принять душ и одеться и начинаю кормить завтраком Хлою.

– Как дела? – В кухню спускается Люк, чмокает меня в макушку. – Ты ночью глаз не сомкнула.

– Так себе, – признаюсь я. – Только маме не говори.

– Что не говорить бабушке? – спрашивает Ханна, жуя тост с джемом.

– Не болтай с полным ртом, – замечает Люк. – И вообще, некоторые слова не предназначены для маленьких ушек.

Он шутливо дергает Ханну за мочку, дочь улыбается, показывая перепачканные джемом зубы.

– Какая ты красавица. – Я корчу ей рожицу.

Ханна смеется. Я рада, что вопрос забыт.

– Как вчерашний урок флейты? – спрашиваю, чтобы окончательно перевести разговор в безопасное русло.

– Хорошо. Мы разучиваем новую песню.

– Какую? – Я вытираю салфеткой рот Хлое. – Вот так, ми-

лая. Все съела. Умница.

Ответ Ханны я пропускаю мимо ушей – в кухню заходит мама. Первым делом вижу ее глаза. Обычно они тусклые и печальные, в их глубине таится боль – отражение боли, живущей в сердце, и шрамов, уродующих память.

Сегодня же мамины глаза светятся. Теперь я знаю, что такое «сияющие глаза». Они словно освещают кухню, излучают тепло и счастье.

– Доброе утро, мои дорогие, – приветствует мама, садясь за стол. В руках у нее листок. – Вот мое письмо Элис. Хочешь прочесть? – Вопрос формальный, у мамы нет сомнений в моем желании, и она протягивает листок, даже не завершив фразы. – Это черновик. Я перепишу аккуратно. Ты добавишь от себя?

– Да, сегодня же. Так странно по-настоящему писать Элис, я много лет делала это только в воображении.

Мы с мамой обмениваемся улыбками – восторженными, счастливыми.

– Просто волшебно, – кивает мама. – Читай.

Моя дорогая дочь Элис!

С чего же начать? Не могу передать, как ошастливило меня твое письмо. «Ошастливило» – не совсем подходящее слово. Окрылило! Огромное тебе спасибо за то, что ты нашла меня. Я ждала тебя с того самого дня, как тебя увезли в Америку. Просто ждала. И вот моя мечта стала явью.

Мы, то есть я и Клэр, искали тебя. Клэр изучила все

социальные сети вдоль и поперек. Она даже несколько раз нанимала частных детективов, но мы ведь не знали о смене фамилии. Наша с отцом размолвка произошла так давно, я о ней почти не думаю – зато постоянно думаю о тебе. История эта длинная и запутанная, ее лучше оставить на потом, когда мы сможем поговорить вживую. Как же я мечтаю тебя обнять, моя дорогая красавица дочь, прижать к себе, увидеть тебя, услышать твой голос, узнать о тебе все. У меня нет желания сильнее, чем увидеть тебя – прошу, приезжай в гости. Я оплачу путешествие, а твоя комната по-прежнему ждет тебя. Или я навещу тебя в Америке. Все будет, как ты пожелаешь, милая доченька, только скажи.

Я столько всего хочу тебе рассказать! И столько всего узнать о тебе.

Я люблю тебя.

Целую.

Мама.

– Чудесное письмо, мама. Но ведь Элис дала свой электронный адрес, напиши на него. Будет быстрее. – Я возвращаю маме листок.

– Знаешь, держать в руках письмо, которого касалась Элис, для меня бесценно. Может, ей тоже будет приятно получить от меня что-нибудь осязаемое, – говорит мама. – К тому же я давно не заглядывала в электронную почту. Я уже и пароль забыла.

– Его легко восстановить. – Глядя на озадаченное мамино

лицо, я добавляю: – Или завести новую почту.

– Ты можешь позвонить тете Элис по скайпу, – вдруг заявляет Ханна.

Надо же, она явно разобралась в ситуации. Впрочем, ничего удивительного – Ханна у нас умница. Я ей улыбаюсь.

– А что? – Она пожимает плечами. – Мы ведь звоним так бабушке Шейле и дедушке Майклу.

– Это когда видишь собеседника на экране? – уточняет мама.

– Да. Знаешь, как мы общаемся с родителями Люка? – напоминаю. Мама морщит нос, а я смеюсь: – Что, тебе такое не по душе?

– Как-то не очень. Придется делать прическу и приводить себя в приличный вид. Давай остановимся на электронном письме, ладно уж. Отправишь его со своей почты?

– Конечно. Хотя Элис, наверное, предпочла бы писать тебе напрямую. – Я заносу электронный адрес сестры в телефон, делаю глоток чая и смотрю на часы. – Так, мне пора на работу. Обсудим все потом.

Мама задумчиво тянет:

– Жаль, что в конверте не было фото. Хотелось бы увидеть, какой она стала.

– Может, Элис решила сперва прощупать почву? – Я тоже об этом думала, но боялась расстраивать маму и потому молчала. – Отправь Элис наши фотографии в ответном письме.

– Да, так и сделаю. Люк, отсканируешь снимки?

– Конечно, Марион. Вы только покажите, какие именно, без проблем.

Я целую мужа и шепчу ему на ухо «спасибо».

– Хорошего дня, девицы-красавицы, – награждаю я поцелуями Ханну и Хлою.

Бывает, мне легко от них уезжать. Я очень люблю свою работу; я много трудилась ради нынешнего успеха. Адвокатская практика для меня не обязанность, а наслаждение. Но порой мне ужасно трудно покидать семью. Да, Ханна и Хлоя окружены заботой, не обделены ничем. Если бы Люк работал в офисе, а я сидела дома, было бы то же самое. И все же иногда я чувствую себя виноватой и мечтаю ухаживать за девочками сама – заставлять их чистить зубы, торопить со сборами в садик и школу. Я не жалею о том, как мы с Люком распределили роли, нашей семье это подходит; однако временами я испытываю тайное желание работать на дому, как муж.

– Давай я буду два-три дня в неделю трудиться дома, – предложила я как-то Леонарду, но тот четко выразил свое отношение:

– Во время работы следует фокусировать внимание исключительно на деле и ни на чем другом. Дома тебя станут отвлекать, хочешь ты того или нет. К тому же, если возникнет что-то срочное, ты будешь нужна мне здесь, на передовой.

Я возразила, что смогу решать все вопросы по телефону

или по электронной почте, но Леонард не уступил. Наоборот, разошелся не на шутку и устроил «показательное выступление» – не хуже, чем в зале суда. Способна ли я вообще работать с ним, Леонардом? Гожусь ли я в партнеры?! Он редко оттачивал на мне свой острый язык, но в тот день я долго зализывала раны.

Я подъезжаю к конторе, все еще размышляя о своих девочках. Спешу в кабинет, по дороге с улыбкой приветствую администратора, но шага не замедляю – болтать я не в настроении.

– Здравствуй, Сэнди, как ты?

– Доброе утро, Клэр. Все хорошо.

– Я хочу поработать над делом Макмиллана. Пусть меня пару часов никто не беспокоит. Записывай все сообщения, я разберусь с ними после обеда. – Улыбаюсь на ходу и проस्कальзываю в кабинет.

Закрываю двери – сигнал для Тома с Леонардом, чтобы мне не мешали. Раскладываю на столе папки по делу Макмиллана и принимаюсь изучать бумаги.

Дело это непростое, и Леонард поручил его мне, чтобы я поднаторела в корпоративном праве. Мало того, Макмиллан с Леонардом приятели, и я подозреваю, что Леонард решил похвалиться мною – так родители хвастают перед гостями своими детьми, просят их спеть, станцевать или посчитать до десяти по-французски. Леонард хочет, так сказать, продемонстрировать меня гостям и погреться в лучах славы –

вот, мол, какая у меня воспитанница! Все станут хлопать его по спине и приговаривать, что он большой молодец.

Меня ничуть не вдохновляет перспектива защищать знакомого Леонарда, тем более речь идет о корпоративном праве: в нем силен Том, а не я. Однако нельзя показывать, что я не уверена в своих силах.

Макмиллан – известный бизнесмен с политическими амбициями, поэтому малейшее пятнышко на собственной репутации он желает вывести при помощи лазера. Иными словами, я должна не только обеспечить ему в зале суда победу в деле о незаконном увольнении им бармена из своего же клуба, но и вывести из этой истории приятеля Леонарда чистеньким – ни пылинки, ни соринки, ни намека на компромат.

– Даже не думай отказаться, – заявил Леонард, вручая мне папки. – Нужный исход дела принесет фирме большую пользу.

– Значит, никто на нас не давит? – с вялым энтузиазмом пошутила я.

Леонард строго посмотрел мне в глаза.

– Давят, Клэр. Еще как давят, так что ты должна выиграть. – В дверях он помедлил. – Или тебе это не по силам?

– По силам, конечно, – недрогнувшим голосом ответила я.

Подтекст был очевиден: если мне не по силам дело Макмиллана, то не по силам и работа, а значит, и партнерство в фирме.

Два часа я усердно тружусь, потом в дверь стучат – вопреки моему распоряжению не беспокоить. На пороге вырастает Леонард.

– Хотел убедиться, что ты еще жива, – говорит он и закрывает за собой дверь. – Сэнди сказала, ты работаешь над делом Макмиллана. Как успехи? – Леонард кивает на разложенные передо мной бумаги и юридические справочники.

Я расправляю плечи, откладываю карандаш.

– Неплохо. Трудно, как и предполагалось. Вторая сторона готова предъявить свидетеля.

– Значит, мы должны предъявить своего.

– У нас никого нет. Оказывается, подчиненные не очень-то любят Макмиллана.

– Найди свидетеля.

– Сделаю все возможное.

Голос мой звучит не слишком убедительно, и я тут же об этом жалею. Своих сомнений лучше не выдавать, в суде юрист должен выступать уверенно.

От Леонарда мои колебания тоже не укрылись.

– Нечего кормить меня избитыми фразами. Найди свидетеля. Растолковывать не нужно, надеюсь?

– Нет, конечно.

Я перекладываю бумаги на столе, лишь бы не смотреть Леонарду в глаза. Неудивительно, что он один из лучших юристов в городе. В судебных кругах Леонард славится своей безжалостностью. С ним даже в одной комнате находить-

ся страшно, хоть он и выступает на моей стороне!

– Макмиллан амбициозен, да еще и влиятелен, – бросает Леонард. – Было бы полезно его задобрить. Ты меня понимаешь?

– Да. Да, понимаю.

Еще бы. Макмиллан важен для фирмы. Он устроил Леонарду сделку по корпоративному праву, которая заметно улучшила состояние его пенсионного фонда и которую Леонард с Макмилланом обсудили в своем закрытом клубе за несколькими бокалами виски.

– Хорошо. Я знаю про Элис. Грандиозная новость. Я сегодня общался с твоей мамой, и она мне рассказала. Но это все оставляй дома. Отделяй личную жизнь от работы. Очень полезный навык.

– Согласна. Я пытаюсь.

Меня немного задело, что мама успела поговорить с Леонардом об Элис. Да, они давно дружат, он в курсе нашей истории, но как же мне отделять личную жизнь от профессиональной, если они то и дело пересекаются?

– Победа в деле Макмиллана принесет успех не только фирме, но и тебе, – бросает Леонард уже с порога. – Ты моя протеже, Клэр, не испортить все.

Глава 5

Когда я приезжаю домой, девочки уже выкупаны и переодеты в пижамы. Время позднее, и Люк читает Хлое сказку на ночь. Я недовольно хмурю брови – он уже начал, не стал меня ждать. Я люблю читать дочерям перед сном. Делаю это, наверное, больше для себя, чтобы унять муки совести: искупаю вину за вечное свое отсутствие. Люк это знает, и его сегодняшнее чтение выглядит наказанием за мое позднее возвращение домой.

– Привет, сокровище мое, – ласково говорю я, заходя в комнату.

Хлоя тут же выскальзывает из объятий мужа и скачет по кровати:

– Мама! Мамуля! – Малышка кидается ко мне, я ее зацеловываю. – Папа читает. Крольчонок потерял воздушный шарик.

Она с серьезным видом объясняет, что шарик был красным и что он улетел.

– Бедный крольчонок, – сочувствую я.

– Ну все, Хлоя. Укладывайся. – Люк откидывает одеяло и похлопывает по матрасу.

– Я дочитаю, – предлагаю я.

Снимаю пиджак, кидаю его в изножье кровати.

Хлоя прыгает:

– Ма-му-ля! Ма-му-ля!

Люк со вздохом встает, вручает мне книгу и чмокает в щеку:

– Король умер. Да здравствует король. – Целует Хлою. – Спокойной ночи, милая. Приятных снов.

Теперь я чувствую себя виноватой не за позднее возвращение домой, а за то, что Люк лишился возможности побыть с дочерью.

Наконец успокоенная Хлоя засыпает – крольчонок нашел шарик. Я спускаюсь в гостиную, где Люк с Ханной смотрят телевизор.

– Мама сегодня не с нами? – Я сажусь на диван рядом с дочкой.

– Нет, она смотрит у себя какую-то садоводческую программу. – Люк развалился в кресле, свесив одну ногу через подлокотник. – Я пообещал, что ты к ней попозже зайдешь. Там ужин остался. Тебе подогреть?

– Нет, я поздно пообедала. Сделаю себе потом бутерброд. Я сегодня работала над делом Макмиллана.

Люк сочувственно улыбается, и напряжение, возникшее из-за чтения на ночь, исчезает.

– А как у тебя день прошел, Ханна? – Я заправляю ей за ухо прядь волос.

– Нормально, – отвечает Ханна, не отрывая взгляд от телевизора.

Она смеется над чем-то на экране, и я, не желая портить

дочери удовольствие, больше ее не отвлекаю. Переживать явно не о чем, иначе Ханна бы рассказала. Совсем не обязательно спрашивать дочь о школьных делах каждый день, иногда достаточно видеть, что она счастлива.

– Ты отсканировал фотографии для мамы?

– Ага, все сделал.

– Спасибо, любимый. Она согласилась на электронную почту?

Я ввожу на телефоне пароль к новому почтовому ящику, зарегистрированному сегодня на маму.

– По-моему, Марион все же хочет отправить обычное письмо. – Люк пожимает плечами.

– Но Элис его получит дней через пять, не раньше.

– А куда спешить? Пусть мама поступает, как ей больше по душе. Думаю, передышка всем пойдет на пользу.

Люк, конечно, прав. Спешить некуда. Чем больше я думаю об этом теперь, в спокойной домашней обстановке, тем больше с ним соглашаюсь. Двигаться нужно потихоньку, осторожно. Ведь все, что мы знаем об Элис, – это воспоминания. По сути, мы будем строить отношения с незнакомкой.

Я смотрю на Люка. Он вновь переключил внимание на телевизор. Ханна тоже поглощена происходящим на экране.

– Схожу к маме.

Я готовлю чай на двоих и стучу в мамину гостиную. Потом, с трудом удерживая поднос одной рукой, поворачиваю дверную ручку.

– О, привет, дорогая, – говорит мама. – Ух ты, чай. Очень вовремя, как раз передача закончилась.

Я опускаю поднос на маленький кофейный столик. Мами-на гостиная светлая и просторная, высокие потолки придают ей воздушности и величия. Обстановка выглядела бы очень органично на страницах глянцевого дизайнерского журнала в интервью с владелицей какого-нибудь поместья. Мебель традиционная и элегантная. Совсем не такая, как в нашей семейной гостиной, где сплошь мягкие диваны, пушистые пледы да коврики – разномастно, зато уютно.

– Ты переписала письмо? – Я усаживаюсь в кресло, обитое роскошным бордовым велюром, с прямой высокой спинкой.

– Да, и оставила на столе. – Мама кивает в сторону эдвардианского бюро у окна. – Я не запечатывала конверт, думала вложить письмо от тебя. Ты его подготовила?

– Еще нет. Займусь после чая.

– Хорошо. Не затягивай. А то Элис решит, что мы не хотим отвечать.

Выпив чаю и поболтав с мамой, я желаю ей спокойной ночи, прихватываю с собой письмо и иду в семейную гостиную. Письмо кладу на стол, рядом со своим телефоном.

– Это что? – спрашивает Люк.

– Мамино послание Элис. Сейчас напишу свое. – Хан-на зевает, программа закончилась. – Пойдем-ка, уложу тебя. Скажи папе «спокойной ночи».

Я и не ощущала собственной усталости. Только что сидела

у постели Ханны, слушала ее рассказ про одноклассника, которого отправили к директору за непослушание, – и вот уже Люк ласково трясет меня за руку и шепотом зовет в кровать.

– Ты уснула, – говорит он, выводя меня из комнаты дочери. – Переволновалась в последние дни, и вот результат.

– Мне нужно написать Элис. Ты ложись, я скоро.

Я отправляюсь в свой кабинет. Это маленькая комната в передней части дома, с письменным столом, книжным шкафом и полками. Здесь удобно работать вечерами или по выходным, хотя я и стараюсь избегать подобных авралов.

Я задумчиво смотрю на лист бумаги. Вопреки совету Леонарда не смешивать личное с рабочим, я весь день размышляла над тем, что сказать сестре.

Дорогая Элис!

Восхищение. Буря чувств. Экстаз. Эйфория. Все эти слова разом не в состоянии передать моего счастья, когда я узнала от мамы о твоём письме. Просто не верится! Я до сих пор себя щипаю – а вдруг сплю?

Я думала о тебе очень часто. Последнее воспоминание – как ты уходил с отцом, потом машина отъезжает, а ты смотришь в заднее стекло.

Я никогда не теряла надежды тебя отыскать, а теперь вот ты сама нас нашла. Я столько лет гадала, где ты и что с тобой.

Огромное тебе спасибо за письмо. Я жду не дождусь новой весточки и очень надеюсь вновь тебя увидеть. Моя дорогая сестренка, ты к нам вернулась.

*С любовью,
Клэр.*

Целую.

Чем проще, тем лучше. Я столько всего хочу сказать, но на бумаге не могу. Мечтаю увидеть Элис вживую. Обнять ее, вновь оказаться вместе, втроем – мама, я и Элис. Предостережение Люка маячит где-то на заднем плане, но я не обращаю внимания. Элис нашлась, и это сейчас – самое главное.

Я вкладываю свое письмо в мамин конверт. Запечатываю и оставляю на столе. Завтра отправлю. Внутри у меня тепло от счастья. Я с улыбкой посылаю воздушный поцелуй имени Элис, написанному на конверте.

– Ты нашла нас, сестренка, – шепчу.

Выключаю свет и иду спать.

Утро проходит в дикой спешке, поскольку я с трудом выползаю из кровати, да и то лишь по третьему звонку будильника. Со мной такого не бывает.

Торопливый завтрак, скомканное прощание с домашними – и я вылетаю за двери со смутным чувством, будто я что-то забыла.

Завожу машину и быстро прохожусь по мысленному списку. Телефон. Сумочка. Кошелек. Портфель. Ура, все есть.

Вспоминаю я только тогда, когда уже в конторе вижу почтальона с тележкой – он протягивает мне сегодняшнюю кор-

респонденцию.

– Черт, – ругаюсь вслух. Почтальон вздрагивает. – Простите, это я не вам. Я забыла дома письмо. Незадача.

Я быстро набираю сообщение Люку и прошу отправить письмо Элис.

– Ты сегодня какая-то дерганая, – сообщает Том, когда я вручаю корреспонденцию администратору.

– Умеешь ты сказать девушке комплимент, – отвечаю я. – Лучше не слоняйся без дела и поставь чайник.

– Есть, мэ. – Том шутливо отдает честь, щелкает каблучками и марширует в кухню.

Кофе хорош. Дома я люблю пить чай, но на работе предпочитаю кофе.

– Он всегда вкуснее, если его приготовил кто-то другой, – делюсь я с Томом. – Спасибо, ты меня спас.

– Я не мог допустить, чтобы наша собранная миссис Теннисон стала вдруг расхлябанной.

– Да уж. Я себя чувствую, как пресловутый выжатый лимон.

Телефон пищит – сообщение от Люка. Мол, не переживай, все под контролем.

– Попробуй выговориться, я тебя всегда выслушаю, ты же знаешь, – мягко предлагает Том.

Я благодарна ему за сочувствие.

– Понимаешь, я об этом всю жизнь мечтала, об Элис... – Я опускаю взгляд на темно-коричневую жидкость в чашке

и вдыхаю аромат кофе. – Дети часто загадывают желания. Когда задувают свечи на именинном торте, когда бросают монетку в волшебный колодец, когда наступает Новый год... Так вот, я всегда задумывала одно и то же – чтобы Элис нашлась, чтобы мы однажды вновь стали семьей.

Я умолкаю – делаю глоток кофе и смаргиваю слезы.

– Ты о том, что нужно быть осторожнее со своими желаниями? – Том отставляет свою чашку и гладит мою руку.

– Нет. Да. Не совсем. – У меня больше нет сил держать все в себе, ладонь Тома словно вытягивает из меня остатки самообладания. – Желание сбылось, и теперь мне... мне страшно.

Том забирает мою чашку, отставляет к своей и заключает меня в объятия.

– Бояться – нормально. Это ведь большие перемены, жизненно важные. Попробуй укротить страх и перевести его в положительные эмоции. – Том поглаживает меня по спине. – И для протокола – обнимаю я тебя по-дружески. Проясняю на всякий случай, чтобы ты не отскакивала, как от удара током.

Я смеюсь ему в рубашку.

– Можно подумать, я от тебя отскакивала.

Том делает шаг назад, берет меня за руки.

– Честное слово, Клэр, я понимаю, каково тебе. Я не за-
был.

– Знаю. Спасибо за поддержку. – Я с улыбкой киваю.

– Я тебя всегда поддерживал. Я не забыл, как мы с тобой часами сидели за компьютером и искали Элис. А телефонные переговоры! Помнишь частного детектива, которого мы наняли?

– Да уж. Толку от него не было ни малейшего. Кучу денег на ветер.

– Если бы мы знали, что твой отец сменил фамилию...

– Да, в голове не укладывается: располагай мы тогда этой информацией, и все могло бы быть по-другому. Мы ведь искали Элис Кеннеди, бессмысленно тратили время и деньги. – Я вздыхаю. – А нам нужна была Элис Кендрик...

– Так, не надо сожалеть о прошлом. Это неконструктивно. Прости, зря я вспомнил.

– Да все в порядке. Перестань извиняться. Ты совершенно прав, что толку горевать о том, чего не изменишь. Маме я сказала то же самое. Пора мне последовать собственному совету и перестать заикливаться на прошлом.

Мы стоим, держась за руки, смотрим друг на друга. Том большим пальцем поглаживает мою ладонь – жест из прошлого. Мое последнее замечание относилось к попыткам отыскать Элис, но не услышал ли Том нечто большее? Я хочу заговорить, но передумываю. Зачем вновь выставять себя душой? Похоже, только я вижу во всем нечто большее.

Том говорит, глядя мне в глаза:

– Я действительно всегда готов тебя поддержать. Я понимаю. Я ведь прошел этот путь вместе с тобой. – Голос ти-

хий, спокойный. – Ты всю жизнь несла на плечах тяжелый груз, а теперь его вдруг не стало; конечно, ты не сразу привыкнешь. Твой мир перевернулся с ног на голову, и тебе нужно время, чтобы осмыслить – не только свои чувства, но и свое место в семье. Попробуй расслабиться. Выдохни. Впусти Элис в свою жизнь.

– Как у тебя все легко...

Я отвожу взгляд и делаю попытку отнять руки, но Том только крепче их сжимает.

– Ну-ну, иди сюда. – Он вновь заключает меня в объятия. – Хотя на время перестань все контролировать. Знаю, это не в твоём характере, но я давно говорю: твою взрослую потребность к контролю и порядку породили хаотичные переживания из детства. Сделай над собой усилие, отключи этот контроль, отдайся течению, не то с ума сойдешь.

– Спасибо. Попробую. – Я смеюсь и тоже обнимаю Тома.

– Я серьезно, Клэр. Помнишь, что произошло в Оксфорде?

Я внутренне содрогаюсь. Конечно, помню. Разве такое забудешь? Непонятное отключение сознания или что-то в этом роде, которое уложило меня в постель на целых три дня. Мы с Томом выпили, чтобы утопить мое горе после очередного неутешительного отчета частного сыщика, и мой организм почему-то плохо отреагировал на алкоголь. По крайней мере, так думала я.

Том же списал все на стресс, вызванный моей упрямой ре-

шимостью отыскать сестру. Три дня Том ухаживал за мной, как за ребенком. Прикрывал меня на лекциях, позже помогал наверстывать упущенное. Без его помощи я бы точно завалила экзамены.

Я делаю долгий выдох – сбрасываю тревогу и заодно демонстрирую Тому свою попытку расслабиться. Не то он сочтет меня совсем безнадежной.

– Умница, – одобрительно кивает Том. – Перестань волноваться и анализировать все на свете, и жизнь сразу станет легче, вот увидишь. Поверь, я в этом знаю толк. А теперь пойдем, пока Леонард нас не застукал. Очень уж он любит везде совать свой нос.

– Да, пойдем, – киваю я, хотя и не соглашаюсь с подобной характеристикой Леонарда. Я бы не стала категорически утверждать, что он везде сует свой нос. Да, Леонард часто интересуется моими делами, но это потому, что он – мамин советник и давний друг семьи. – В глубине души Леонард – человек добрый, – вступаюсь за него.

Том открывает кухонную дверь и смотрит на меня, недоверчиво приподняв бровь.

– Как скажешь, Клэр.

Глава 6

Наступает суббота, я с распростертыми объятиями приветствую выходные. И одиночество. Я сонно обзираю пустую половину кровати. Подушка взбита в точности как вчера вечером, простыня гладкая, без единой морщинки. Значит, до постели Люк не добрался.

У него прилив вдохновения. Люк пишет абстрактный пейзаж для галереи в Америке – заказ клиента, который во время прошлого визита в Великобританию увидел в брайтонском Королевском павильоне картину Люка. Тот пришел от заказа в восторг и одновременно разволновался. Вчера вечером, когда я вернулась домой, муж успел подготовить девочек ко сну, оставил их с мамой, а сам удалился работать в студию.

Сейчас рано, нет еще и шести, но мой внутренний будильник не делает скидку на выходные. Я накидываю халат, бо-сиком выскальзываю на лестничную площадку и по очереди заглядываю к девочкам. Обе спят, хотя у меня, наверное, осталось не больше получаса, потом Хлоя начнет ворочаться.

Я перешагиваю через скрипучую ступеньку, вторую сверху, потом еще через одну, посредине, ту, возле которой стойка перил внизу оцарапана, – здесь я в шестилетнем возрасте уронила игрушечную машинку. Я живу в этом доме с самого

рождения, знаю все его причуды и давно научилась бегать вверх-вниз по лестнице незаметно, чтобы перекусить среди ночи или не попасться на глаза сердитому папе.

Студия Люка расположена в конце бокового коридора, который под прямым углом отходит от главного. Не слишком на отшибе, но все же в отдалении от домашней суеты.

Я стучу и, не дожидаясь ответа, вхожу. Иногда Люк так погружен в работу, что ничего вокруг не замечает. Вот как сейчас. Он стоит спиной ко мне и лицом к холсту, в одной руке кисть, в другой палитра. На муже мешковатые хлопчатобумажные штаны и белая футболка, радужные пятна на пальцах босых ног дают четкое представление о том, с какими цветами он сегодня работал. Когда Люк в последний раз расчесывал свои непослушные кудри? Страшно подумать. Их не мешало бы постричь, но обычно мне самой приходится записывать его к парикмахеру и тащить туда силой. По словам мамы, муж для меня все равно что третий ребенок; пусть, мол, сам за собой ухаживает. Однако я привыкла за всем следить. С удовольствием забочусь о семье, она для меня – все.

Я молча подпираю стену и любуюсь мужем: как он водит кистью туда-сюда, от палитры к холсту и обратно. Тихо играет радио. Штраус, по-моему, хотя не уверена.

– Шпион из тебя никудышный, – через несколько минут со смешком заявляет Люк.

Он не отрывает кисти от холста, работает над небом. На мой взгляд, оно идеально, но я же не специалист.

Я подхожу к Люку, обнимаю и целую в спину.

– Прости, не хотела тебе мешать. Мне вдруг стало одиноко в пустой кровати. Ты не ложишься?

Люк поворачивается в моих объятиях и отвечает поцелуем.

– Нет. Не хотел отрываться. У меня большой прорыв.

– С картиной?

Я отпускаю мужа и разглядываю разноцветный холст. Сама не знаю, чего ищу.

– Не с картиной, – смеется Люк и откладывает палитру с кистью в раковину под окном. – Ночью звонил Тедди Маркони.

Я напрягаю мозги – что за важная птица этот Тедди Маркони?

– Твой американский клиент?

– Угадала. Так вот, он всего лишь пригласил меня к себе домой, в Майами.

– Майами! Ух ты!

Встреча с клиентом у него дома – дело обычное, но речь, как правило, о Великобритании. Люку нравится смотреть, где повесят его картину; он говорит, это помогает понять ожидания клиента. Нынешний заказ – для лондонской квартиры Маркони. Когда Люк поехал на встречу с ним в Кенсингтон, я воспользовалась возможностью и погуляла по окрестностям, а потом мы с мужем переночевали в отеле. Получилось весьма романтично.

– Да, представляешь? – говорит Люк.

– Мне что, опять тебе компанию составлять? – поддразниваю я.

Оставить девочек на ночь с мамой ради поездки в Лондон – это одно, но исчезнуть вдвоем как минимум на три ночи ради Америки – совсем другое. Вряд ли мама выдержит.

– Прости, малыш, но тут загвоздка. Маркони ждет меня на следующей неделе. Во вторник. Он оплачивает перелет и все остальное. От меня требуется только сесть в самолет. Поэтому, если не сможешь взять неделю отпуска, то я лечу один.

Я притворно огорчаюсь.

– Значит, ты бросишь меня тут, а сам будешь развлекаться в Майами... – Я обвиваю руками шею Люка. – Попробуй заслужить разрешение.

Он легонько дергает пояс моего халата и запускает под него руки.

– Сейчас попробую.

После устроенного нами небольшого перерыва Люк решает, что на сегодня хватит работать. Когда у мужа вдохновение, он способен писать и сутки напролет, но сейчас Люк намерен вздремнуть пару часов.

– Свою девочек куда-нибудь позавтракать, – предлагаю я. – Может, нам погулять у моря? Погода чудесная, жаль ее упускать. Куплю нашим красавицам мороженого.

– Хорошая мысль. Разбуди меня в обед, – зевает Люк.

Мы покидаем студию как раз вовремя – Хлоя уже на стульях.

– Привет, мы едем завтракать. – Я сгребая ее в объятия. – Побежали одеваться.

В спальне я быстро принимаю душ, пока Люк развлекает Хлою. Я слышу, как они хохочут, играя в «Защекочи монстра». Игра простая, но Хлоя ее любит, и я успеваю привести себя в порядок.

На прикроватной тумбочке пищит мой телефон – пришла электронная почта.

Когда я вижу имя отправителя, сердце бьется сильнее.

– Ты что, малыш? – спрашивает Люк, перекатываясь на живот и глядя на меня снизу.

– Письмо.

– Ну, что нужно делать с письмом? Прочесть и ответить. Хлоя с визгом запрыгивает ему на спину, и он охает.

Я беру телефон. Почему так страшно открыть почту? Первое письмо Элис пробудило во мне целый калейдоскоп чувств. Вот она, проверка мечты реальностью. Сначала потрясение, потом счастье, а теперь настороженность. Интересно, существуют ли эмоциональные стадии семейного воссоединения – по аналогии со стадиями горя? Потом погуглю.

– Письмо от Элис пришло на новую мамину почту. Я открою его маме на компьютере внизу.

– Не хочешь сперва глянуть сама? – спрашивает Люк.

– Зачем?

– Не знаю. – Люк садится на кровати и спускает ноги, Хлоя повисает у него на шее. – На всякий случай. Вдруг нужно подготовить маму к плохим новостям.

– То есть? – Я хмуро смотрю на мужа.

– Неважно. Это я так, забудь.

– Нет, что ты имел в виду?

Люк встает, Хлоя так и висит на нем, как акробатка.

– Вдруг Элис передумала, или еще что-нибудь... – Он пожимает плечами и отцепляет от себя Хлою. – Правда, забудь. Все будет хорошо, я уверен.

Я молчу, думаю. Возможно, Люк прав.

– Ладно, посмотрю одним глазком.

Я сажусь на кровать и захожу в почту с телефона. Значок скрепки указывает на то, что в письме есть вложение; содержимое загружается чуть дольше обычного. Я, не читая, прокручиваю экран сразу к вложению – там наверняка фотография Элис. Наконец-то я увижу, какой она стала. Я на миг зажимаюсь, вспоминаю маленькое личико сестры в заднем окне машины.

Открываю глаза. Я удивлена: на фото не одна девушка, а две. Обе сидят на диване, улыбаются. Судя по расстоянию, это не селфи. Снято то ли фотоаппаратом с таймером, то ли кем-то третьим. У обеих темно-каштановые волосы, ниспадающие крупными волнами; разве что у одной они чуть короче. Обе девушки одного возраста, лет двадцати с хво-

стиком. Я увеличиваю изображение, хочу рассмотреть лица получше, особенно глаза. Где они, красивые голубые глаза, которые преследовали меня столько лет? Увеличенная картинка приобретает зернистость, и цвет глаз разобрать невозможно. Выше фотографии – подпись, Элис. И постскрипtum. *Я слева.*

– Элис, – шепчу я.

– Которая из них? – заглядывает через плечо Люк.

– Вот, слева.

Хлоя, уже опущенная на пол, теперь играет туфлями из моего шкафа. Я улыбаюсь ей и спрашиваю у Люка:

– Что думаешь? Мы похожи?

– Трудно сказать, – присматривается он. – Возможно. Волосы одинаковые и еще, пожалуй, скулы. Кто с ней рядом?

Я пробегаю глазами письмо.

– Подруга, Марта. – Теперь я читаю письмо полностью, внимательно. – Вот черт.

– В чем дело?

– Элис хочет нас навестить вместе с подругой. – Я перевожу взгляд на Люка. – Зачем?

– А что не так?

– Ну, лучше бы сестра приехала одна. Хотя, может, она нервничает. И хочет, чтобы рядом был кто-то знакомый. – Я скорбно поджимаю губы; обычно так делают, когда хотят без слов продемонстрировать сочувствие. Еще можно напустить на себя горестный или смиренный вид. – Пойду скажу

маме.

Внизу я открываю письмо на компьютере, и мама начинает плакать. Она трогает экран, гладит изображение Элис.

– Моя Элис, моя дорогая Элис... Поскорее бы обнять ее по-настоящему.

– Она берет с собой подругу, – мягко напоминаю я. – Ты прочла?

– Да. Ничего страшного. Если Элис хочет, то я не возражаю. Лишь бы она была счастлива.

Мы с Люком переглядываемся над маминой головой. Он взглядом показывает мне – не обострай. Как же я его люблю! Люк всегда понимает мои мысли. Он знает, что я сейчас думаю – надо же, мама совсем расклеилась! – и взвешиваю, не сказать ли ей чего-нибудь. Муж покачивает головой, и мне ясно – он советует промолчать.

– Марион, распечатать вам фотографию и письмо? – предлагает Люк.

– Ой, а можно, Люк? Было бы чудесно. Электронные письма, конечно, доходят мгновенно, но их нельзя подержать в руках. – Мама благодарно улыбается зятю и сообщает мне: – Я положу письмо с фото к остальным вещам Элис.

Я киваю. Мама имеет в виду черный чемоданчик, где она хранит любимое платье Элис, ее ночную рубашку в божьих коровках, книгу про зоопарк, мягкие игрушки – коричневого плюшевого медведя без обоих глаз, крольчонка в синем пиджачке, похожего на кролика Питера из детских сказок.

Словом, память о маленькой дочери. Там же лежат подарки, которые мама покупает каждый год на день рождения Элис и на Рождество.

Люк распечатывает письмо с фотографией, и мама уносит их к себе. Он заходит мне за спину, массирует плечи.

– Марион переполняют чувства, это неудивительно. Такие новости! А ты? – Люк поворачивает меня лицом к себе. – Ты-то как?

– Раз мама счастлива, то и я тоже.

– Я не об этом спрашиваю.

– Я рада. Просто...

Я не знаю, как объяснить. Вдруг Люк решит, будто я переживаю – мол, новообетенная сестра оттеснит меня на второй план? Люк ждет.

– Просто все очень быстро... И меня смущает эта подруга, если честно. Как-то странно приглашать друзей на первую встречу со своей семьей.

– Странно, согласен, но давай расслабимся и поплывем по течению, а? Может, Элис нужна моральная поддержка.

– Ты изменил мнение?

– Я не могу повлиять на ситуацию, – отвечает Люк. – Элис планирует приехать, нравится нам это или нет. Значит, нам лучше принять неизбежное, вот как я рассуждаю. Уверен, все будет хорошо.

– Мне бы твою невозмутимость.

– Клэр, малыш. Я понимаю, у тебя море чувств. Господи,

еще как понимаю! У меня самого их море, а мне ведь Элис не сестра, но я тоже вкладывал в нее время и душевные силы. Не так, как ты, ясное дело, и все же... Мы столько лет ее искали, выслеживали. Столько денег тратили... ладно, *ты* тратила на эти поиски. Теперь все позади. Элис нашлась. Ты обретаешь потерянную сестру, твоя мама – потерянную дочь, я – свояченицу, а дети – тетю. Давай сосредоточим внимание на хорошем.

– Кстати, о детях. – Я устремляю взгляд к потолку, услышав шаги на втором этаже. – Похоже, Ханна проснулась.

Я растягиваю губы в отважной улыбке и везу девочек завтракать, хотя скоро уже обед. Люк прав. Нужно думать о хорошем, мыслить позитивно. Моя сестренка едет домой. И все же, несмотря на эту мантру, не могу избавиться от внутреннего беспокойства.

Глава 7

Следующие две недели пролетают быстро, и я только успеваю удивляться стремительному развитию событий. Я-то думала – мама с Элис обменяются еще письмами, пару раз позвонят друг другу и лишь потом организуют встречу. В моем представлении этот процесс должен был занять месяца два-три, а не: еще два письма по электронной почте – и решение о встрече принято. Окончательно и бесповоротно. Никаких телефонных разговоров, никакого общения по скайпу.

– Ты точно готова? – спрашиваю я маму вечером накануне приезда Элис.

Мама проверяет комнату сестры – чисто ли там, все ли в порядке. Я предложила сделать в комнате ремонт, но мама настояла на своем: нужно оставить младенчески-розовые стены и занавески в горошек. Мол, Элис их обязательно вспомнит. Я хочу, чтобы она их вспомнила, хотя бы ради мамы. Может, подучить Элис заранее? Нет, не стоит. Я не участвовала в переписке. Я пока не ощущаю столь близкой связи с сестрой.

– Тут очень красиво, мама, – говорю я. – Элис наверняка понравится. Ты только не расстраивайся, если она не сразу вспомнит. Ее увезли давным-давно, она же была совсем маленькой.

Я ласково сжимаю мамино плечо.

– Конечно, милая, – кивает она. – Я понимаю, что это может быть трудно, но я готова. Не так уж я наивна.

Мы переходим в гостевую комнату напротив, бегом ее осматриваем. Здесь тоже все готово к приему второй гостьи. Чистые полотенца в ногах кровати, халат, туалетные принадлежности.

– Как в роскошном отеле, – подытоживаю я.

– Думаешь, все будет нормально?

– Конечно. Меня бы такая комната безумно порадовала. – Я смотрю на часы. – Уже поздно. Пойдем спать. В Хитроу нужно успеть к половине восьмого.

Я желаю маме хорошенько выспаться, но сама сплю плохо и даже испытываю облегчение от звонка будильника в четыре тридцать. Мама ждет в кухне – явно нервничает не меньше меня. Мы тихонько выскальзываем из дома, чтобы не разбудить Люка и девочек. Я уже две недели толком не видела мужа. После Америки он почти все время проводил у себя в студии – и днем, и ночью. Люк вернулся, полный энтузиазма поскорее закончить лондонский заказ и приступить к майамскому.

– Как продвигается работа у Люка? – спрашивает мама.

– Замечательно. – Я не отрываю взгляд от дороги. – Для него это большой прорыв. Несколько тысяч фунтов. Этот американский клиент просто без ума от Люка. От его картин.

Говорю я сбивчиво. Я всегда защищаю Люка перед мамой, если речь заходит о его творчестве или деньгах. В глубине

души я знаю: она не одобряет наш семейный уклад. Мама рада тому, что я делаю карьеру – она обеспечивает независимость, – но совсем не рада тому, что я обеспечиваю Люка. По ее словам, поддерживать Люка финансово – все равно что платить выкуп похитителю. Это привязывает меня к нему и к девочкам, лишает возможности зажить отдельной жизнью в случае необходимости.

Я понимаю – мама думает о себе и об отце. В денежных вопросах она всегда поступала мудро. Имела собственный доход – учительскую зарплату и дивиденды от наследства. Доход этот мама с отцом не делила, тот был человеком богатым и вполне себя обеспечивал. В финансовом плане они друг от друга не зависели. И хорошо, что не зависели, как оказалось. Пусть мамины чувства разбились о скалы, но ее финансовый корабль поплыл дальше – и поплыл с комфортом.

– Это обнадеживает, – прерывает мама мои размышления. – Может, тебе станет полегче.

– Мне не тяжело.

– Не тяжело, но ты меня прекрасно понимаешь. Замечательно, если Люк станет зарабатывать поприличнее.

– Мам, ну пожалуйста. Не начинай.

– Я просто говорю, что тогда ты не будешь нести финансовую ответственность за всех. Хорошо бы вам обоим быть независимыми.

– Как тебе в свое время. А то вдруг все рухнет. Ты ведь

об этом, да?

Разговор вывел меня из себя, и я не удержалась, уколола. От мамы исходит звенящее напряжение. Я украдкой смотрю на нее – взгляд вперед, тело натянуто, словно струна.

– Да, именно об этом, – чеканит мама.

– Мам, у нас с Люком все хорошо. Мы счастливо женаты уже много лет. Мы знакомы со школы. Если бы что-то должно было произойти, оно бы уже произошло.

– Кто знает. Нет ничего хуже самоуспокоения. Оно ослепляет, ты не видишь надвигающейся беды, и она обрушивается неожиданно.

Мы едем в молчании, последние мамины слова эхом отдаются в ушах. Я понимаю, что она обо мне заботится. Мама не перестает быть мамой только потому, что ее дети выросли и завели собственные семьи. Она любит Люка, но он не ее плоть и кровь, поэтому мамина предвзятость закономерна. Я, наверное, буду такой же, когда у девочек появятся женихи. Я тщательно обдумываю следующий вопрос и задаю его с большой осторожностью:

– Из-за чего ушел папа?

Мама никогда не называла мне причины, по которой отец решил поехать в отпуск вдвоем с Элис. Впрочем, со временем мы поняли, что никакой это был не отпуск – возвращаться отец не планировал.

– Папа расхотел со мной жить, – отвечает мама. – Тебе это известно.

– Но ты не рассказывала почему, – не отстаю я.

Мне вдруг захотелось узнать правду именно сейчас. Может, из-за возвращения Элис. Ей ведь тоже будет интересно.

– Это было давно. Я не собираюсь беречь старые раны. Не хочу жить прошлым. Нас ждет будущее, с Элис.

– А если она спросит? Что ты ей ответишь?

– То же самое. Послушай, Клэр, я не желаю продолжать. Очень уж тема ядовитая, вмиг разест тебе душу. – Мама вздыхает. – Со мной так и произошло. А тебя и Элис я уберегу. Скоро мы будем вместе и наконец-то заживем счастливо.

Я прекращаю расспросы – как всегда, когда разговор доходит до этого места.

Рейс из Орlando прилетает вовремя, мы с мамой терпеливо ждем в зоне прибытия и внимательно разглядываем пассажиров, которые толпой валят через стеклянные двери.

Семья из четырех человек – пара лет тридцати с небольшим и двое маленьких детей. Мама несет на руках малыша, папа толкает тележку с чемоданами, ребенок лет пяти топает самостоятельно, держась за тележку. Мужчина в деловом костюме, в одной руке небольшой дорожный чемодан, в другой – портфель, на подбородке – щетина. Мужчина шагает целеустремленно, глазами никого не выискивает, смотрит вперед. Для него это явно не первая поездка сюда, ничего нового, никаких восторгов по поводу Великобритании. Я от нечего делать гадаю, американец он или британец.

Замечаю в отдалении темноволосую девушку и принимаю ее за Элис, но вот она подходит ближе, и я вижу, что девушку сопровождает парень. У обоих за спиной рюкзаки, оба в шортах и худи. Лицо девушки радостно вспыхивает, она толкает парня локтем в бок и указывает вперед. Я тоже смотрю в том направлении – женщина средних лет приветливо машет парочке. Пассажиры все плывут и плывут мимо, но ни Элис, ни Марты пока нет.

– Они бы нам написали, если бы опоздали на самолет, правда? – волнуется мама.

– Спокойно, потерпи еще немного. Ты же знаешь, какие очереди на паспортном контроле.

– Интересно, какой у Элис паспорт – американский или британский?

– Не знаю. Зависит от того, приняла ли она американское гражданство.

Мама кивает, на лицо набегают печальная тень.

– Подобные мелочи болезненно напоминают о том, что я не знаю собственную дочь.

– Ну-ну, мама. Не грусти. Теперь у нас есть возможность все выяснить.

Мама улыбается и усилием воли отгоняет печаль.

Я вновь рассматриваю поток прибывших. Появляется девушка с темными волнистыми волосами, мой взгляд скользит по ней и переходит дальше, на других пассажиров, но что-то возвращает меня к девушке. В ту же секунду мама

хватает меня за руку.

– Вон! – восклицает мама и машет. – Элис!

Девушка поднимает голову, смотрит в нашу сторону. Заметно нервничает. Я широко улыбаюсь и тоже машу. Подруги не видно; похоже, Элис все-таки прилетела одна. Она направляется к нам, ускоряя шаг. Потом переходит на легкий бег. Мама отпускает мою руку и бежит навстречу Элис. У меня к глазам подступают слезы. Мама уже плачет вовсю. Миг – и они с Элис кидаются в объятия друг к другу и замирают, не замечая никого и ничего вокруг. Мама отстраняется, обхватывает лицо Элис ладонями, с любовью разглядывает каждую черточку. Целует щеки, много-много раз. Мама с Элис смотрят друг на друга и смеются.

Потом мама указывает в мою сторону и, обняв Элис за плечи, ведет ко мне. Я вижу голубые-голубые глаза; они даже голубее, чем я помню. Я мысленно возвращаюсь в тот день, когда Элис ушла, когда эти самые глаза смотрели на меня с мольбой. Грудь сжимает, горло перехватывает. Я с трудом вдыхаю. Делаю шаг вперед – и моя любимая сестренка прикается ко мне.

– О, Элис... Ты вернулась... – слышу я собственный шепот.

Слезы, бегущие по моим щекам, смывают все сомнения последних недель.

Элис крепко сжимает меня в ответ.

– Привет, Клэр. Не верится, что я и правда здесь. Я столь-

ко лет о вас думала. Вы с мамой были будто не настоящие. И вот... мечта ожила.

У Элис сильный южный акцент – выговор гнусавый и довольно резкий. Меня это почему-то удивляет. Я, видимо, ждала, что она разговаривает, как мы.

– Пойдем в машину, – вздыхаю я.

И вытираю лицо платочком, который сует мне в руку мама. То же самое она проделывает и с Элис. Мы втроем дружно промокаем слезы. Я беру чемодан сестры и неожиданно вспоминаю.

– А где твоя подруга? Марта. – Я вглядываюсь в стеклянные двери.

Элис машет рукой.

– О, точно, простите. Внезапная смена планов. У Марты не получилось. Так что, увы, прилетела только я. – Элис с широкой улыбкой пожимает плечами. – Это ведь ничего? – Она стирает с лица улыбку и озабоченно добавляет: – Простите, нужно было сообщить, но я так разволновалась, что забыла напрочь.

Мама берет Элис за руку.

– Ничего страшного, дорогая. Не надо извиняться. Это не имеет значения. Главное, ты сама приехала.

– О, меня бы ничто не остановило! Я так хотела повидаться, мама. – Элис подчеркивает последнее слово, которое с американским акцентом звучит непривычно, и кладет голову маме на плечо. – Я ведь могу обращаться к тебе «ма-

ма»?

– Конечно, милая. – Мама целует Элис в макушку. – Для меня это лучшая в мире музыка.

Они проходят мимо меня, вновь ничего не замечая вокруг. Я с минуту смотрю им вслед и прислушиваюсь к странному, неуютному чувству, шевелящемуся внутри. Наверное, я просто не привыкла, чтобы кто-то другой звал мою маму «мамой».

Дорога домой пролетает быстро. Я сажусь за руль, мама – впереди на пассажирское сиденье, Элис – за мной. Мама вежливо расспрашивает: как перелет, кормили ли в дороге, без проблем ли дали отпуск на работе? Безопасные темы. Элис отвечает и тоже задает вопросы: водит ли мама машину, работает ли, чем увлекается? Не менее безопасные темы.

Мама достает распечатанное фото, которое прислала Элис. Оно слегка помято.

– Спасибо за фотографию, – говорит мама, разглаживая фото на колене. – Ты привезла еще снимки? Детские, юношеские?

Мама просила об этом в последнем электронном письме. Я смотрю на Элис в зеркало заднего вида. Она ловит мой взгляд и корчит рожицу. Ясно – не привезла.

– Ой, прости. Знаешь, у меня жуткое подозрение, что я забыла альбом на столе. – Элис хлопает себя по лбу. – Прости, я такая глупая.

– Ничего страшного, не переживай.

Мама разочарована, это слышно, и ее бодрый ответ – лишь притворство.

– Мы можем нащелкать море фотографий, пока ты здесь, – предлагаю я. – Сделаем собственный фотоальбом.

– Да, отлично! – загорается Элис. – Честно говоря, у меня почти нет детских фотографий. – Я вновь бросаю взгляд в зеркало. Элис смотрит в окно. – Папа мало фотографировал, – грустно добавляет она.

– Девочки тебя ждут не дождутся, – меняю я печальную тему.

До самого дома трещу без умолку, рассказываю о дочерях: о том, какие они; об их проделках; о том, что Хлоя спокойная и чувствительная, по натуре она осторожнее и мягче Ханны, а Ханна общительная, веселая, неутомимая и временами чересчур прямолинейная.

– Скорее бы их увидеть. Просто не верится, что я тетя, что у меня две прекрасные племянницы, – говорит Элис. – Хочу с ними познакомиться. И с твоим мужем, конечно, тоже. Ты настоящая счастливица, у тебя есть семья.

Мы едем по узкой извилистой улочке к дому. Границу нашего участка обозначает невысокий каменный забор, в который врезаны черные ворота.

– Ну как, знакомо? – спрашивает мама.

Ей отчаянно хочется, чтобы Элис вспомнила о своем раннем детстве хоть что-нибудь.

– Немножко, – отвечает та. – Черные ворота. Они почему-то засели у меня в памяти.

Я завожу машину в ворота, на гравийную подъездную дорожку. Люк с девочками, видимо, услышали шум мотора, – они выходят нас встречать. Люк нацепил улыбку, выглядит он вполне приветливо. Хотя я-то вижу, что улыбка официальная. Наверное, не так уж он невозмутим на самом-то деле. Впрочем, мы все как на иголках. Обходим на цыпочках определенные темы, взвешиваем каждое слово, следим за выражением лица и языком тела. Ничего, скоро узнаем друг друга получше, и напряжение исчезнет.

Элис выскакивает из машины и сразу идет к девочкам. Приседает перед Ханной, обнимает. Ханна теряется, и я ловлю ее взгляд поверх плеча Элис. Приподнимаю брови, широко улыбаюсь. Дочь сумеет расшифровать этот безмолвный сигнал – веди себя хорошо и разговаривай вежливо. Ханна послушно улыбается Элис, и та переключает внимание на Хлою. Малышка прячется за Люком.

– Скажи Элис «привет», – просит Люк, но Хлоя только крепче цепляется за папу.

– Ничего страшного, она просто стесняется. Мы еще успеем подружиться, – заверяет Элис.

Встает перед Люком, тот протягивает руку.

– Я Люк, муж Клэр. Рад знакомству.

Элис пожимает руку со словами:

– Элис Кендрик. Взаимно. – Потом смеется. – Ну а теперь,

когда с формальными английскими приветствиями покончено, пора знакомиться по-американски. – Она вдруг обнимает Люка. – Как у вас хорошо!

Наступает очередь Люка смотреть на меня поверх плеча Элис. На лице мужа написано «спасите». Я подавляю смешок, мама укоризненно шлепает меня по руке. Люк подмигивает мне и высвобождается.

– Так, пойдем в дом, – командует мама. – Ты, наверное, очень устала, дорогая. Люк, принеси, пожалуйста, чемодан Элис.

Мама и Элис идут внутрь. Люк дергает себя за челку и склоняет голову им вслед.

– Сию минуту, миледи.

Мама, слава богу, не слышит.

– Прекрати, – смеюсь я и целую Люка. – Ну, похоже, лед сломан. Перейдем к старому доброму приветствию по-американски? – Я обвиваю руками его шею и вновь целую.

– О, а вдруг твоя мама увидит, как ты заигрываешь с прислугой? – говорит Люк и целует меня в ответ. – Что же до американского приветствия, то чуть позже я поприветствую тебя по-теннисоновски. – Он шлепает меня пониже спины и идет за чемоданом.

Я с улыбкой поворачиваюсь к дому. В дверях стоит Элис и наблюдает за нами. Одной рукой я прикрываю глаза от утреннего солнца, а другой машу сестре. Она широко улыбается, тоже машет и исчезает в доме. Эта картина куда прият-

нее, чем та, когда я видела Элис в дверном проеме в последний раз. Я качаю головой и гоню грустные воспоминания прочь. Холодные дни позади. Теперь светит солнце, и внутри меня пробуждается тепло, которое долгие годы сковывал лед. Наконец-то он сломан.

Вечером мы разрешаем Ханне посидеть с нами подольше – из-за гостыи. Когда же обе девочки засыпают, Люк тактично извиняется – мол, его ждет работа в студии – и покидает нас, женщин.

– Принесу перекусить, – говорит мама. – Есть сыр и крекеры. Хочешь чаю, Клэр? Кофе, Элис?

Мы благодарим маму и впервые со времени приезда Элис – прошло больше двенадцати часов – остаемся вдвоем.

– И давно вы женаты? – спрашивает сестра.

– Ну, э... уже восемь лет, да.

Элис вскидывает голову, уточняет:

– Восемь? А сколько лет Ханне?

– Семь. Я была на пятом месяце беременности, когда мы поженились.

Я ничуть не стыжусь. В наше время подобное никого не шокирует. Сестре интересно узнать все про новых родственников, это естественно, но у меня почему-то возникает неуютное ощущение, будто она осуждает меня, высчитывая сроки.

– А, ясно, – понимающе улыбается Элис.

– Мы поженились бы в любом случае, беременность тут ни при чем, – поспешно добавляю я, мечтая стереть насмешку с лица сестры. – Уже на третьем свидании нам стало ясно, что мы хотим быть вместе. Что так суждено.

– Любовь с первого взгляда. Или страсть?

– Трудно сказать, – смеюсь я.

– Вы венчались в церкви?

Элис смотрит на комод, на нашу персональную фото-выставку. В основном там снимки девочек, есть несколько маминых и пара-тройка наших с Люком. Фотографировал Люк – дни рождения, прогулки, пляж. Обычные мгновенья повседневной жизни; естественность, которой не добьешься на студийных фото. У Люка явно художественный дар, муж умеет поймать нужный момент – каждая фотография рассказывает целую историю.

– Нет, мы не венчались, – говорю я. – Забавно, но о пышной церемонии мечтал именно Люк, я же не хотела ничего помпезного. Мы просто расписались, очень скромно. Только семья и близкие друзья. Правда, потом устроили вечеринку.

Я подхожу к комоду и выбираю фотографию в серебристой рамочке – мы с Люком в день свадьбы. О том, что это наше бракосочетание, догадаться трудно. Мы словно собрались на бал. На Люке темно-синий костюм, бледно-голубая рубашка с белым воротником, концы которого пристегнуты к рубашке пуговками, и тонкий синий галстук. Я в кремовом вечернем платье в пол: тоненькие бретельки, изящные

складки ткани на лифе. На запястье синяя бутоньерка в тон галстука Люка.

Я протягиваю снимок Элис, она внимательно его изучает.

– Люк ни капельки не изменился. Да и ты тоже. Беременность совсем не заметна. Никакого живота.

– Он был очень маленьким. Первая беременность плюс крепкие мышцы брюшного пресса. Повезло.

Элис возвращает снимок и оглядывает меня с ног до головы:

– Ты и сейчас худенькая.

– Ты тоже, – улыбаюсь я, относя фотографию на комод. – Это, наверное, наследственное.

– Не иначе. А кто-нибудь знал про то, что ты выходишь замуж беременной?

Мне не очень приятен такой дотошный допрос, но я считаю себя обязанной ответить.

– Нет. Мы никому не говорили. Даже маме. Сообщили ей уже после свадьбы.

– И как она отреагировала?

– Особого выбора у нее не было. – Я понижаю голос. – Мама больше сердилась на то, что я не рассказала ей сразу. Она не понимала, почему мы так спешим со свадьбой. Ну а когда страсти поутихли, мама очень обрадовалась. Девочек она обожает.

– Девочки у тебя чудесные, и мама тоже. В смысле, *наша* мама. И Люк классный. У тебя прекрасная семья.

В голосе Элис сквозит печаль, и мне сразу становится стыдно за ту гордость, которую пробудили во мне слова сестры.

– Мы теперь одна семья, – говорю я. – Одна большая семья.

– Семья. Большая. Это здорово. – Уголки губ Элис поднимаются в улыбке. – Семья.

Глава 8

– Может, ты все-таки сумеешь взять короткий отпуск? – спрашивает мама в воскресенье за завтраком.

Воскресенье – день неспешный. Не нужно бежать за стол строго в определенное время; все просыпаются, когда хотят. Девочки встали еще час назад и уже поели хлопьев и тостов. Теперь Ханна смотрит телевизор в гостиной, а Хлоя рядом развлекается с игрушечной кухней. Я не из тех родителей, которые заставляют детей посвящать каждую свободную минуту учебе и развитию.

– Прости, мама, но правда никак, – вздыхаю, намазывая джемом тост. – У меня в следующем месяце суд, очень важный. Сейчас мне нельзя в отпуск. – Я наливаю себе чаю. – Зато мы можем отлично отдохнуть сегодня. Давайте поедем в Брайтон. Покажем Элис достопримечательности.

Разочарование на мамином лице уступает место улыбке.

– Отличная мысль. Отведем Элис туда, куда я водила вас в детстве. Вдруг это освежит ее память? Набережная, пирс, улочки с магазинами. Поедим рыбы с жареной картошкой, мороженого. Девочкам тоже понравится. Да, давайте.

Я с улыбкой поглаживаю мамину руку:

– Мам, Элис ведь жила здесь совсем крошкой. Она может вообще ничего не вспомнить.

– Я знаю, – мама похлопывает меня по руке.

– Ты, главное, не огорчайся. И не дави ни на кого.

– О, похоже, я вовремя. Всем доброе утро.

В кухню заходит Люк и подхватывает тост с моей тарелки. Синие, зеленые и желтые пятна на руках мужа похожи на синяки. Он снова всю ночь работал над новым заказом.

– Как дела? – Люк целует меня в макушку и бредет к чайнику.

– В порядке. А как твоя картина?

– Кому сделать чаю? – предлагает Люк. – Марион?

– Нет, спасибо, – качает головой мама. – Нагрей воды и для Элис, она наверняка скоро встанет.

– Картина отлично пишется, малыш. – Он садится рядом со мной. – Какие планы на сегодня?

– Есть идея поехать в Брайтон. Показать его Элис. Ты с нами? Или продолжишь работать?

– С вами. Работа подождет. С удовольствием сделаю перерыв и глотну морского воздуха. А главное, побуду с семьей.

Вскоре в кухню спускается Элис. Я невольно приподнимаю брови и украдкой переглядываюсь с Люком. Из одежды на сестре только безразмерная футболка – хотя, на мой взгляд, она достаточно короткая. Ноги у Элис, конечно, красивые. Очень американские, длинные и загорелые; не то что мои – может, и длинные, но белые, как молоко. Элис наклоняется, целует маму в щеку, и футболка подскакивает еще выше. Люк отводит взгляд, сосредоточенно добавляет в чай лишнюю ложку сахара.

– Доброе утро всем! – Элис выпрямляется, запускает пальцы себе в волосы, приподнимает их над головой и отпускает.

– Доброе утро, дорогая, – отвечает мама. – Хорошо спала? Не было жарко или холодно? Как матрас, удобный?

– Конечно, – ласково улыбается ей Элис. – Постель прекрасная. Смена часовых поясов только сказывается.

– Садись, – мама выдвигает стул рядом с собой. – Чем будешь завтракать? Есть тосты, хлопья, пирожные. Клэр, будь добра, приготовь Элис кофе. Ты ведь больше любишь кофе, да?

Элис с улыбкой кивает.

– Спасибо, Клэр. Мне очень приятно.

– Не за что. – Я игнорирую скорбную усмешку Люка и откладываю тост.

– Можно мне тоже тост? – просит Элис. – У вас, наверное, нет арахисовой пасты и конфитюра?

– Где-то было варенье. – Я роюсь в буфете. – Вот.

Элис снимает крышку с банки, изучает содержимое. Потом морщит нос:

– Я воздержусь. Оно с кусочками.

Такая привередливость меня неприятно поражает, но я решаю не обращать внимания.

– Можно купить «Мармайт», – сообщаю я, заваривая для Элис кофе.

– «Мармайт»? – переспрашивает Элис.

– Даже не думай, – предостерегает Люк. – Паста из дрожжевого экстракта? Нет уж, ешь джем или варенье, это полезнее.

– Люк, может быть, ты глянешь в Интернете, где купить арахисовую пасту и конфитюр? – замечает мама.

– У нас дома столько всего! Наверняка Элис что-нибудь да понравится, – возражаю я, подавая сестре кофе.

Люку совсем не обязательно бежать куда-то сломя голову, чтобы удовлетворить американские вкусы Элис. Он вечно угождает маме, а она, по-моему, принимает это как должное. Я возвращаюсь к буфету и начинаю вынимать разнообразные баночки. Звон стекла о гранитную рабочую поверхность выдает мое раздражение.

– Джем. «Нутелла». Мед. – Я поворачиваюсь к Элис.

– Э, можно мед? – отвечает она, метнув взгляд на Люка.

– Местный мед, – рекламирует тот, передавая ей банку.

Потом поворачивается ко мне и делает большие глаза. Я пожимаю плечами, и мне тут же становится стыдно – мою маленькую вспышку злости заметили все взрослые в доме.

К счастью, мама спасает положение – заводит разговор о сегодняшних планах. Я смахиваю свое дурное настроение вместе с крошками хлеба и подключаюсь к обсуждению.

Элис рада предстоящему развлечению и тому, что поедут все.

– О, настоящая семейная прогулка. Наша первая прогулка. Ну, первая из тех, что я буду помнить.

Мама тепло улыбается.

– Не могу передать, как я мечтала о таком вот дне.

– Я тоже, – кивает Элис.

Погода удивительно теплая для середины октября, лишь легкий морской ветерок дует в спину, когда мы гуляем по набережной Брайтона. Люк везет Хлою в коляске, Ханна скачет вприпрыжку рядом с ним. Мы с Элис шагаем по обе стороны от мамы, держим ее под руки.

– Ты помнишь, как мы сюда приезжали? – спрашивает мама.

– Не особо, – морщит лоб Элис.

– А пирс? – показываю я, когда мы к нему приближаемся. – Мы часто здесь бывали. Нам покупали мороженое, мы с тобой бегали туда-сюда, глазели сквозь перила на воду внизу.

– Я водила вас на аттракционы в конце пирса, – подхватывает мама. – Ты была еще мала для каруселей, а Клэр каталась. Мы с тобой наблюдали за ней, сидя на лавочке.

– Простите, – говорит Элис. – Я и правда была очень маленькой, ничего не помню.

Мы идем дальше к пирсу, любуемся пейзажем. На галечном пляже пусто, отдыхающие давно разъехались, и прохладное осеннее солнце неярко поблескивает на серых волнах, мягко набегающих на берег.

К нам подбегает Ханна, Люк ждет чуть впереди.

– Мама, мама! – восторженно кричит она. – Папа отведет меня на вышку!

Неподалеку от пирса стоит брайтонская смотровая башня i360. Стеклопанельная капсула-платформа, похожая на бублик, скользит вверх-вниз по столбу высотой четыреста пятьдесят футов и предлагает шикарный панорамный обзор города и побережья. По крайней мере, так говорят. Я с высотой не дружу. Я побывала на башне вместе с Люком, когда ее открыли, но от ужаса все время простояла с закрытыми глазами.

– Ух ты! Можно мне с вами? – спрашивает Элис.

Ханна смотрит на меня – не знает, как правильно ответить.

– Вот здорово, правда? Если Элис пойдет с тобой и папой? – подсказываю я. Мы догоняем Люка, и я забираю у него коляску. – Мама, ты рискнешь?

– Пожалуй. Я уже давно настраиваюсь.

Они вчетвером входят через двойные двери в стеклянную платформу. Я вдруг вспоминаю фильм Стивена Спилберга «Ближние контакты третьей степени». Семью похитили инопланетяне, и по возвращении мои любимые будут уже другими людьми.

Я покупаю мороженое и съедаю его на пару с Хлоей, сидя на скамейке. Солнце висит низко, я отворачиваю коляску от ветра. Обзорная поездка занимает минут двадцать. Пока платформа медленно снижается, я подкатываю коляску бли-

же и жду у дверей.

Первыми появляются мама с Ханной. Они держатся за руки, и непонятно, кто кому помогает на лестнице. Ханна замечает меня, на лице расцветает широкая улыбка.

– Так здорово, мам! – кричит дочь, осиливая последнюю ступеньку.

Дальше идут Люк и Элис. Озираются, видят меня, машут с улыбкой. Судя по всему, поездка имела большой успех. Элис оступается. Я ахаю – во мне срабатывает материнское чувство, я уже вижу, как Элис падает, разбивает лицо. Но она, к счастью, успевает ухватиться за Люка.

Элис держится за него, пока они преодолевают остаток лестницы. Держится, пока они идут ко мне. Льнет к Люку, что-то говорит, оба хохочут.

Я никогда не ревновала. Не было повода, видимо. Но сейчас в животе вдруг возникает какое-то странное чувство. Оно ползет выше, взламывает душу. Во мне вспыхивает собственнический инстинкт. Сама не знаю почему. Может, из-за непринужденности Элис: она ведет себя так, будто для нее нет ничего естественнее, чем ходить под ручку с Люком. Словом, я не знаю почему, но мне это не нравится. Элис поднимает голову, мы встречаемся взглядом. Уголки моих губ ползут вверх в улыбке. Но это лишь видимость. Внутри же мое лицо напоминает гримасу Халка.

Элис отвечает улыбкой и убирает ладонь с руки Люка.

– Просто потрясающе, Клэр! Я никогда ничего подобного

не видела. Зря ты не пошла.

– Я уже была на башне однажды, с Люком, – сообщаю я и преграждаю ему дорогу коляской. – Вот, вези ты.

Хлоя больше любит, когда ее катает папа, так? Вот пусть и катает. Я беру Элис под руку, и мы бредем по набережной, а ветер развевает нам волосы и швыряет их в лицо.

Элис откидывает волосы на одну сторону, ежится.

– Мне здесь очень нравится, но как же я скучаю по солнцу Флориды!

– По британским стандартам сегодня хорошая октябрьская погода, – со смехом заявляю я. – Привыкай.

– Надо было привезти побольше теплой одежды.

– Я одолжу тебе пару свитеров. У нас с тобой один размер.

– Как близнецы, – соглашается Элис.

– Малышкой ты вечно просила у меня одежду. – На память вновь приходит история с грибами. – Помнишь, как мы устроили в саду пикник для игрушек, ты была в моей бело-розовой полосатой футболке и тебя на нее вырвало?

– Да, помню! – восклицает Элис. – Футболка выглядела на мне как платье.

– Точно, мы подвязали тебя ремнем. И рвота собралась в пряжке. Такая гадость.

– Я тогда конфет переела.

– Конфет? Нет, грибов. Я дала тебе грибов, и тебе от них стало плохо.

– Правда? Прости, это было так давно.

– Ты после того перестала есть грибы, и мама сильно недоумевала. Она-то думала, ты отравилась ягодами.

Мне ужасно хочется, чтобы Элис вспомнила. Это одно из самых ярких моих воспоминаний: наше совместное детство, наш общий секрет.

– Совсем не помнишь? – настаиваю я. – А сейчас? Сейчас ты ешь грибы?

Пусть Элис скажет, что грибы она ненавидит. Это подтвердит мой рассказ и послужит хоть каким-то доказательством, даже если сестра и не вспомнит тот случай.

– Прости, но грибы я люблю. Не терзай себя, Клэр, ты не нанесла мне никакой психологической травмы. В доказательство я куплю тебе новую футболку.

Элис со смехом прижимает мою руку крепче к себе. Такой естественный для сестер жест, но мне почему-то неловко, слишком уж он интимный.

Мы бредем по пирсу дальше, и я размышляю: как удивительно – люди, пережив одно и то же, хранят совершенно разные воспоминания. Я-то надеялась, что у нас с Элис будет хоть парочка общих воспоминаний, что они нас свяжут, помогут возродить сестринские чувства. Но пока ничего общего не нашлось, и мне грустно. Да, я сама уговаривала маму – мол, Элис была совсем малышкой, не жди от нее многого. Тем не менее я то и дело задаюсь вопросом – как же так? Неужели она совсем ничего не помнит? Совсем?

Вечером в постели я прижимаюсь к Люку.

– Замечательный был день, – говорю я и гоню прочь зеленоглазое чудовище, которое маячит неподалеку.

– Замечательный. – Люк устраивается поудобнее и обнимает меня. – Ты как, малыш?

– Хорошо.

– Точно?

– Точнее некуда.

Люк знает, что я сейчас не совсем честна. Я для него открытая книга. По его словам, он с первого взгляда может определить мое настроение. Честно говоря, я обычно тоже сразу определяю его настроение. Наверное, это потому, что мы очень давно знакомы.

– Ты уже привыкла к Элис? – спрашивает он.

– Почти. Все будет хорошо. Пока немного странно, – признаюсь.

– То есть?

– Сама не пойму. – Я вздыхаю. – Мне немножко... неловко, что ли. Не так, как я представляла.

– А как ты представляла?

– Думала, мы будем ближе, роднее... Это ведь Элис. Она моя сестра, но вот родственной теплоты нет. Не чувствую.

– Не торопись и не накручивай себя, – советует Люк. – Ты это умеешь. Элис, наверное, тоже несладко. Дай ей время.

Я выгибаю брови:

– Значит, тебе она нравится, да?

Вот она, моя ревнивая сторона. Я и не подозревала о ее существовании. Ничего не могу с собой поделать.

– Элис – милая девушка. – Люк перекачивается на спину, склоняет голову набок. – Это, видимо, наследственное.

– Милая? – Я приподнимаюсь на локте. – Что значит «милая»? В чем проявляется ее «милость»?

Люк косится на меня.

– Ты же не ревнуешь? – Голос насмешливый.

– Я? Ревную? С чего ты взял?

Люк со смехом валит меня на спину, садится сверху и целует меня.

– Не переживай, малыш, мне нужна только ты, и больше никто.

– Я не ревную.

– Как там в «Гамлете»? По-моему, леди слишком много говорит. – Люк заглушает мой ответ поцелуями.

Глава 9

– Сходим в бар? Выпьем вина, поедим панини? – предлагает Том, заглядывая ко мне в кабинет.

Том почти всю неделю провел в суде, и мы толком не виделись.

– Ой, не знаю... – Я смотрю на длинный перечень электронных писем, которые ждут ответа.

Неделя была длинная. Понедельничная разборка затянулась – Леонард замучил расспросами о деле Макмиллана. Иногда я по-прежнему чувствую себя подчиненной, а не равноправным партнером. Впрочем, бунтовать я не стала. С Леонардом лучше не спорить. Однажды я совершила такую ошибку, причем еще до того, как начала на него работать. Произошло это в университете, я тогда забросила учебу ради поисков Элис. Леонард сперва помог, но потом стал категоричен – успеваемость страдать не должна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.